

**НАУЧНЫЙ
ФОРУМ**
nauchforum.ru

ISSN 2542-1271

№11(76)

**НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
ФИЛОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
И КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

МОСКВА, 2023

НАУЧНЫЙ ФОРУМ: ФИЛОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

*Сборник статей по материалам LXXVI международной
научно-практической конференции*

№ 11 (76)
Декабрь 2023 г.

Издается с ноября 2016 года

Москва
2023

УДК 008+7.0+8

ББК 71+80+85

Н34

Председатель редколлегии:

Лебедева Надежда Анатольевна – доктор философии в области культурологии, профессор философии Международной кадровой академии, член Евразийской Академии Телевидения и Радио.

Редакционная коллегия:

Воробьева Татьяна Алексеевна – канд. филол. наук, доц. кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций Череповецкого государственного университета, Россия, г. Череповец;

Назаров Иван Александрович – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. Государственного Бюджетного Учреждения Культуры г. Москвы, "Музей М.А. Булгакова", Россия, г. Москва;

Монастырская Елена Александровна – канд. филол. наук, доцент, кафедра «Иностранные языки», Кемеровский технологический институт пищевой промышленности, Россия, г. Кемерово.

Н34 Научный форум: Филология, искусствоведение и культурология:

сб. ст. по материалам LXXVI междунар. науч.-практ. конф. – № 11 (76). – М.: Изд. «МЦНО», 2023. – 84 с.

ISSN 2542-1271

Статьи, принятые к публикации, размещаются на сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

ISSN 2542-1271

ББК 71+80+85

© «МЦНО», 2023

Оглавление

Раздел 1. Литературоведение	4
1.1. Русская литература	4
ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ПОРТРЕТНОГО ОПИСАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ Л. УЛИЦКОЙ «СОНЕЧКА») Аят Юсуф Салех	4
ТЕМА МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ «ЖИЗНЬ – ЭТО ТЕАТР» Мохаммед Хамис Габан	19
Раздел 2. Языкознание	30
2.1. Классическая филология, византийская и новогреческая филология	30
ВОСПРИЯТИЕ ЦВЕТА КАК ОТРАЖЕНИЕ УНИВЕРСАЛЬНОГО И НАЦИОНАЛЬНО- КУЛЬТУРНОГО ОПЫТА Кошева Анна Олеговна Бубнова Ирина Александровна	30
2.2. Русский язык	34
СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ НЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ Гадах Тарек Сабри	34
МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИЧАСТИЯ В РУССКОМ И АРАБСКОМ ЯЗЫКАХ Илаф Али Ганим Иман Уваид Мухаммед	49
2.3. Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	59
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ И ВИДОВ ОМОНИМОВ В РУССКОМ И АРАБСКОМ ЯЗЫКАХ Аль Мугаммай Аззам Ахмад	59
АДАПТАЦИЯ ТОПОНИМОВ ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНОВ РОССИИ И КИТАЯ В УСЛОВИЯХ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ Шобокшанова Ольга Сергеевна Биктимирова Юлия Викторовна	74

РАЗДЕЛ 1.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

1.1. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ПОРТРЕТНОГО ОПИСАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ Л. УЛИЦКОЙ «СОНЕЧКА»)

Аят Юсуф Салех

доцент,

кафедра русского языка,

Багдадский университет,

Ирак, г. Багдад

TEXT-FORMING FUNCTION OF PORTRAIT DESCRIPTION (BASED ON THE STORY OF L. ULITSKAYA "SONEЧКА")

Ayat Yusuf Saleh

Ph.D., assistant professor,

University of Baghdad,

Department of Russian,

Iraq, Baghdad

Аннотация. Писательская концепция, его видение окружающего мира, воссоздаваемое на страницах художественного произведения, отражается в образах персонажей, важной частью которых являются портретные описания. Портрет персонажа является не только частью его характеристики, но структурообразующим элементом художественного целого. В статье на материале повести Л. Улицкой «Сонечка» рассматриваются важнейшие структурные текстовые категории.

Abstract. The writer's concept, his vision of the surrounding world, recreated on the pages of a work of art, is reflected in the images of characters, an important part of which are portrait descriptions. The portrait of a character is not only a part of its characteristics, but a structural element of

the artistic whole. The article examines the most important structural textual categories based on the material of L. Ulitskaya's story "Sonechka".

Ключевые слова: стилистика; текст; текстовые категории; целостность; связность; членимость; Л. Улицкая; повесть

Keywords: stylistics; text; text categories; integrity; coherence; articulateness; L. Ulitskaya; novella.

В филологии существует большое количество определений понятия текст, разные исследователи трактуют его в зависимости от характера и направленности их исследований, круга научных интересов. Несмотря на большое количество работ, посвященных исследованию текста, до сих пор не существует единого, всеми признанного определения этого термина, что можно объяснить как сложностью самого описываемого объекта, так и различными подходами к его описанию.

Современная стилистика художественного текста выросла из работ М.М. Бахтина, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Б.А. Ларина. Исследованием текста и его категорий занимались И.Р. Гальперин, Л.С. Большакова, Н.С. Валгина. Лингвистике текста посвящены работы О.И. Москальской, З.Я.Тураевой; синтаксису текста – Г.А. Золотовой, Н.А. Зарубиной. Активно в последние годы развивается стилистика текста и коммуникативная стилистика, работы М.Н. Кожинной, Г.Я. Солганика, Н.С. Болотновой.

При широком понимании текста им считается любой результат говорения или письма, «продукт речевой деятельности; основная единица коммуникации, которой человек пользуется в процессе речевого общения. Текст, как правило, обладает единством темы и замысла, относительной законченностью, связностью, внутренней структурой – синтаксической (на уровне сложного синтаксического целого и предложения), композиционной и логической» [20].

В коммуникативной лингвистике под текстом понимается речевое произведение, которое имеет информативно-смысловую сущность, прагматическую направленность, концептуально обусловлено и коммуникативно ориентировано [32]. По мнению А.И. Новикова, характерным свойством текста является целостный образ содержания, где внешняя форма связана с внутренней формой, переходит в нее [19].

В семантике текста акцент делается на смысловых характеристиках текста, на том каким образом осуществляется связь языка, мышления и текста. И.Я. Чернухина в своей монографии «Поэтическое речевое мышление» (1987) анализирует текст как результат речемыслительной деятельности автора поэтического произведения, производит семный

анализ поэтических произведений А. Блока, В. Хлебникова, М. Цветаевой [36].

Данное исследование будет осуществляться в рамках стилистики текста, совмещающей методы и подходы литературоведения, в частности поэтики с лингвистическим подходом.

Художественный текст является частью культуры, а значит отражает черты того исторического периода, когда текст был написан, особенности культуры, в рамках которой текст был создан, особенности личности писателя, его взгляда на мир, на литературное творчество и т.д. В тексте будут отражены языковые черты эпохи и авторский тезаурус, определенная прагматика и авторская мотивация.

Прежде чем переходить к описанию текстообразующего потенциала портретных описаний, необходимо пояснить, какие категории участвуют в текстообразовании, их признаки и свойства. Разработкой проблемы текстовых категорий занимались такие видные ученые, как И.Р. Гальперин, С.Г. Ильенко, М.Н. Кожина, А.И. Новиков, Е.В. Сидоров, З.Я. Тураева, И.Я. Чернухина. Следует сказать, что у исследователей нет единого мнения относительно количества и состава текстовых категорий, кроме того нет четкого разделения терминов «текстовая категория» и «признаки текста», очень часто эти понятия смешиваются.

В Стилистическом энциклопедическом словаре объединяются оба термина. Текстовая категория определяется через понятие признака текста: «Текстовая категория – один из ... существенных признаков текста, представляющий собой отражение определенной части общетекстового смысла различными языковыми, речевыми и собственно текстовыми (композитивными) средствами» [32].

И.Р. Гальперин к категориям текста относит: информативность, когезию, континуум, членимость, автосемантию отрезков текста, ретроспекцию, проспекцию, модальность, интеграцию, завершенность – всего десять категорий [9].

Е.В. Сидоров называет универсальными признаками текста **коммуникативность, интегративность, информативность, регулятивность, структурность** [25, с. 67].

С.Г. Ильенко в качестве текстовых категорий называет модальность, целостность и членимость [11, с. 366]. И.Я. Чернухина в своей монографии «Общие особенности поэтического текста» рассматривает четыре категории, которые являются идеальными сущностями, выделяемыми на определенной ступени абстрагирования содержания текста, к этим категориям, по ее мнению, относятся – время, пространство, герой и событие [36, с. 6-7].

В большинстве работ, посвященных тексту в качестве основных его признаков (или категорий ему свойственных) называют **целостность текста**, его **членимость (дискретность)** и **связность** (Н.С. Болотнова, Н.С. Валгина, И.Р. Гальперин, А.А. Леонтьев, Н.А. Николина).

Расхождения в выделяемых категориях текста непосредственно связано с существующими различиями в понимании текста. Обобщая все вышесказанное о текстообразовании, приходим к выводу, что существуют универсальные текстовые категории, свойственные всем группам текстов. К ним относятся: **структурность** – взаимосвязь всех элементов текста, **регулятивность** – способ организации разных уровней текста и **интегративность**, которую Н.С. Болотнова определяет как «ориентацию всех элементов текста на синтез, на воплощение содержательного плана текста в соответствии с авторской интенцией [6, с. 144]. Необходимо заметить, что текстовые категории являются такими признаками текста, которые характеризуют как конкретный текст, так и все тексты. **Основными признаками** текста являются его **целостность, связность и смысловая завершенность**.

«**Целостность текста** – понятие многомерное и разноаспектное, его содержание обусловлено тем, на каком основании, на какие компоненты делится содержание текста, каковы отношения между ними и какими средствами оно выражается» [32]. Целостность текста обеспечивается единством смысла произведения, его замысла, авторской интенцией.

Связность текста обеспечивается определенной логикой развертывания повествования, стилистическим единством текста, взаимодействием всех элементов текста. Одним из средств создания связности текста является повтор.

В каждом тексте можно выделить ряд относительно независимых, по мнению К.И. Белоусова, текстовых пространств, что позволяет рассматривать их автономно. Сама возможность такого членения текста является ярким свидетельством его дискретности. Дискретность текста «создает возможность отделения одной части объекта от другой, служит предпосылкой создания структуры. Членимость же как производная аналитической деятельности человека, становится “проводником” антропоцентризма и привносит в теоретическую схему понятия предпочтительности вариантов и стратегий членения» [12]. Дискретность проявляется через членимость текста.

Целостность же текста проявляется в единстве его содержательной организации, в едином смысле всего художественного целого. Для создания у читателя целостного восприятия произведения, его автор

использует различные художественные приемы. Связность текста обеспечивается взаимообусловленностью всех его частей и элементов.

Все элементы текста объединены авторским замыслом, создают целостность текста, обеспечивают его связность. Целостность и членимость образуют антиномию, являются признаками текста, противопоставленными друг другу, но диалектически связанными, предполагающими друг друга.

Смысл текста не выводится из суммы значений составляющих его единиц, в тексте происходит приращение смысла, позволяющее выразить замысел автора произведения, художественный текст является не просто языковым феноменом, он является частью национальной или шире человеческой культуры.

Текст имеет системную организацию, целостную структуру. Иерархически организованную. Организующим центром произведения является его автор.

Ю.Н. Караулов в работе «Русский язык и языковая личность» показывает, что от индивидуальной речевой структуры возможен переход не к языку как таковому, а к языковой личности, «языковая личность начинается по ту сторону обыденного языка, когда в игру вступают интеллектуальные силы, и первый уровень (после нулевого) ее изучения – выявление, установление иерархии смыслов и ценностей в ее картине мира, в ее тезаурусе» [13, с. 36].

Картина мира каждого человека имеет иерархическое строение, отражает особенности мировосприятия своего создателя и зависит от типа его мышления, т.е. может быть обыденной, научной, художественной. Картина мира объективируется в созданных человеком текстах. О ценностном мире художника можно судить по тому, что и как он пишет, описывает, что ему представляется наиболее важным, существенным. Литературное творчество, как и искусство в целом, имеет субъективный характер, зависит от установок творца художественного произведения. Поэтому художественное творчество «в состоянии создать адекватную картину не внешнего мира, а картину субъективных миров – внутренней духовной жизни человека во всей ее цельности и полноте» [22, с. 39.].

Картина мира художественного произведения является результатом художественного мировосприятия. И.П. Смирнов пишет: «Под семантическим углом зрения всякий литературный текст являет собой картину (модель) мира. В этой картине эвристическим путем могут быть высвобождены отдельные элементы – значения, которые входят в классы значений, например в группы пространственных, временных, причинно-следственных и тому подобных смыслов. <...> Историческая

специфика различных картин мира определяется теми правилами, которыми руководствуется писатель, трансформируя универсальные смыслы в конкретные значения литературного текста» [28, с. 3].

На формирование картины мира художественного произведения влияет, прежде всего, личность автора. Все элементы, образы произведения восходят к его создателю. «Знающим, понимающим, видящим в первой степени является один автор. Только он идеолог. На авторских идеях лежит печать его индивидуальности» [1, с. 94]. Источником и содержанием индивидуального Д.С. Лихачев справедливо считает, что «человек всегда составляет центральный объект литературного творчества. В соотношении с изображением человека находится и все остальное: не только изображение социальной действительности, быта, но также природы, исторической изменчивости мира» [17, с. 4]. Каждый писатель в создании образов своих персонажей исходит из собственных философских и эстетических убеждений. Портрет героя литературного произведения – один из элементов изображения человека, в котором раскрываются принципы художественного метода писателя.

Объектом изучения в статье становятся как содержательные категории текста: образ персонажей, эмотивность, так и структурные – связность, цельность, членимость. Предметом изучения – портрет персонажей повести Л.Улицкой «Сонечка».

Анализ текста производится в рамках антропоцентрической и когнитивной парадигм, соответственно методами анализа будут являться метод филологической интерпретации текста, метод концептуального и компонентного анализа.

По структуре художественного текста написано большое количество работ. Однако разные авторы по-разному описывают элементы художественного целого. К структурно-содержательным текстовым категориям относят связность, членимость, цельность, эмотивность, образ автора и образы персонажей.

В Краткой литературной энциклопедии дается следующее определение портрета – «изображение наружности человека (черт лица, фигуры, позы, мимики, жеста, иногда – одежды)....» [15, стлб. 894].

Однако, художественное значение портрета не исчерпывается изображением внешности человека, так как портрет является «изображением мира сквозь личность» [35, с. 91] и представляет собой «синтез духовной сущности данного человека». Портрет героя художественного текста является важной частью его образа, портретные описания выполняют большое количество функций в произведении, связаны с пространственно-временными характеристиками текста, его структурной организацией и смыслом.

В повести Л. Улицкой «Сонечка» ввиду особенностей жанра произведения выведено достаточно ограниченное количество персонажей, однако каждый из них получает портретную характеристику. Подробное портретное описание автор произведения дает лишь главным героям повести – Сонечке, Роберту Викторовичу, Тане и Ясе. Зарисовки их внешности достаточно пространны, эти описания можно отнести к такому типу портрета, как портрет-описание. Однако каждый из таких портретов в тексте дальше дополняется деталями, так что складывается мозаичный портрет героев. Кроме того, какая-то черта внешности персонажа особо выделяется автором, приобретая характер лейтмотивной детали, объединяющие различные отрезки текста в единое целое. Надо отметить, что описание внешности героев не остаются неизменными, они меняются в соответствии с состоянием героя, отражают возрастные изменения, служат проводником авторской идеи и замысла.

Описания внешности второстепенных героев достаточно лаконичны и в большинстве случаев их можно обозначить как портрет-деталь.

Центральным персонажем повести Л. Улицкой является Сонечка, героиня не случайно названа с уменьшительно-ласкательным суффиксом, Сонечка через всю жизнь пронесла чистоту души ребенка, сохранила детски-наивный взгляд на мир. Но эта наивность не имеет ничего общего с глупостью, недостатком ума, как склонны считать даже ее близкие люди – муж и дочь, и что дает им право смотреть на нее свысока.

Красота ее души, истинная красота показана в повести глазами других персонажей, когда ее сущность как бы открывается им. Так видит ее Роберт, который сразу «узнал» в девушке свою будущую жену.

Третий глаз, который, как говорит Улицкая, так до конца и не открылся у Сонечки (Те особые, женские глаза, которые, подобно мистическому третьему глазу, открываются у девочек чрезвычайно рано, не то что были у Сони вовсе закрыты – скорее они были зажмурены (Сонечка: 7)) открывается у других персонажей два раза в сюжете повести, первый раз это видение заставляет Роберта полностью отказаться от своих прежних убеждений, «обета безбрачия» и на похоронах Роберта, когда его друг сравнивает красоту Сонечки с библейской Лией.

Сонечка, веря в других людей, совершенно не верит в себя и не ценит себя, полностью растворяясь в близких людях.

Это неверие заставляет Сонечку бежать от реального мира в мир художественных произведений и проживать там разные чувства и эмоции. Есть одно НО! Высокая восприимчивость к художественному слову или неготовность к проживанию реальных чувств заставляет юную Сонечку одинаково воспринимать страдания героев литературных произведений и потерю сестрой ее ребенка. Возможно, это избега-

ние боли и страдания, которые являются частью жизни и в какой-то мере частью взросления человека. Может быть, поэтому раз влюбившись, тяжело переболев неразделенность этой любви, Сонечка больше не позволяла себе любить, выстроив преграду из книг между собой и реальным миром.

Сонечка была уверена, что не заслужила свалившееся на нее счастье, она ценила каждую минуту семейного блаженства, запоминая, как казалось Роберту, совершенно незначительные бытовые детали.

Столкнувшись с предательством мужа, она, несмотря на всю испытываемую боль, считает, что такое развитие событий справедливо, и как в детстве и юности бежит от реальности в мир книг.

Жертвенность, доброта. Полное отсутствие хитрости, зависти и т.д., их нет у нее, не видит она их и в других людях, не замечает, оставаясь выше мелких человеческих интересов, что не позволяет о ней сплетничать окружающим. Внутреннее благородство.

Она борется за благополучие своей семьи, какое-то время содержит ее, но совершенно не готова бороться за себя. Готовность к трагедии

Однако ей удалось сделать счастливым своего мужа и воспитать дочь абсолютно свободной

Жизнь одно человека – жизнь страны, поколений людей. Сломленные судьбы. Встретились два человека, которые в иных условиях бы не могли оказаться вместе, из разных миров. Но оказывается, что эти миры не такие уж разные – еврейская тема.

Сюжет повести Л. Улицкой разворачивается как жизнеописание Сонечки с юности до преклонных лет. Портрет главной героини дается буквально в первых строчках повести, перед нами предстает неказистая, стесняющаяся своего тела девушка: «*От бесконечного чтения у Сонечки зад принял форму стула, а нос – форму груши. К сожалению, в шутке не было большого преувеличения: нос у нее был действительно грушевидно-распльвчатый, а сама Сонечка, долговязая, широкоплечая, с сухими ногами и отсиделым тощим задом, имела лишь одну стать – большую бабью грудь, рано отросшую да как-то не к месту приставленную к худому телу. Сонечка сводила плечи, сутулилась, носила широкие балахоны; стесняясь своего никчемного богатства спереди и унылой плоскости сзади. Сострадательная старшая сестра, давно замужняя, великодушно говорила что-то о красоте ее глаз. Но глаза были самые обыкновенные, небольшие, карие. Правда, редкостно обильные ресницы росли в три ряда, оттягивая припухший край века, но и в этом особенной красоты не было, скорее даже помеха, поскольку близорукая Сонечка с раннего возраста носила очки ...» [с. 4].*

Столь подробные портрет главной героини дается один раз, далее автор обозначает лишь характеризующие Сонечку детали, который становятся лейтмотивом ее образа – очки, худые руки: *«она кончила писать, подняла указательным пальцем съехавшие очки»* [с.6], *«она долго смотрела сквозь очки»* [с.6], *«Вечерами, надев на грушевидный нос легкие швейцарские очки, (с.35), «в ее худые руки»* [с. 5], *«он обернулся к ней, поцеловал неожиданно ее худую руку»* [с.5].

В первой портретной характеристике Сонечка описывается как женщина непривлекательная, эта ее женская непривлекательность неоднократно подчеркивается в повести. Сама героиня убеждена, что она некрасива. Этими характеризующими деталями в повести задается один из многих смысловых планов произведения – представление о красоте, о ее восприятие и отношении к ней.

Героиня рисуется автором как женщина некрасивая, однако в повести неоднократно появляется тема красоты именно в связи с характеристикой Сонечки, так например красивой видит ее Роберт, сразу почувствовавший в ней свою будущую жену и отразивший представление о ней в первом и последнем портрете Сонечки, мать, наблюдая за изменениями внешности беременной Сонечки и думая, что у той будет дочь, говорит Сонечке: *«Дочери, они всегда материнскую красоту пьют»* [с. 11].

На похоронах Роберта, его друг Тимлер, *«в обществе молодой любовницы пришедший проститься со старым другом, сказал тоскливым голосом: – Красиво как ... Лия и Рахиль... Никогда не знал, как красива бывает Лия»* [с. 34].

Это описание Сонечки и Яси выводит ранее заявленный в повести план повествования Лаваая «истинная красота – ложная красота» на явный уровень, и вневременной вопрос получает ответ, несомненность которого подтверждается авторитетностью источника упомянутых образов. Рахиль и Лия

Лия в Ветхом Завете – старшая дочь Лавана и жена Иакова. Лаван обманным путем выдал ее замуж вместо другой своей дочери Рахили. «Лия была слаба глазами и уступала в красоте Рахили, но отличалась от Рахили плодовитостью, родив Исааку шесть сыновей и дочь Дину. В литературной традиции Лия «наделяется в отличие от Рахили, даром углубленной внутренней жизни» [с. 70]. А. Данте в «Божественной комедии» («Чистилище»): «Мне снилось – на лугу цветы сбирала/ Прекрасная и юная жена, / И так она, собирая, напевала: “Чтоб всякий ведал, как я названа,/ Я – Лия, и прекрасными руками/ Плетя венки, я здесь брожу одна / Для зеркала я уберусь цветами; Сестра моя Рахиль с его стекла / Не сводит глаз и недвижима днями. / Ей красота ее очей

мила, / Как мне – сплетенный мной убор цветочный; Ей любо созерцать, мне – дела»» [10].

Кроме того, нельзя забывать, что Рахиль и Лия – родные сестры, а значит между ними не может не быть общих черт. Параллелизм образов Лии и Сонечки поддерживается информацией о плохом зрении Сонечки. В агаде упоминается, что первоначально Лия была столь же красива, как Рахиль» но она повредила зрение, так как долго плакала о своем женихе Исаве. Опять же Лия по ветхозаветному сюжету плодовита, а Рахиль нет. Конечно, Сонечку нельзя назвать плодовой, она родила Роберту только одну дочь, о чем сильно переживала, но от Яси у Роберта не было детей, поэтому в какой-то степени Соня обладает этой самой плодовитостью, а Яся нет (читателю не сообщается о наличии детей у Яси и в дальнейшей ее жизни).

Читатель, убеждаемый автором на протяжении первых страниц произведения в некрасивости главной героини, вдруг читает описание ее портрета. Интересно, что описание дается как восприятие самой Сонечкой своего изображения. Она удивлена (не меньше читателя) тем, как видит ее Роберт:

«... и Соня увидела женский портрет, написанный на рыхлой грубоволокнистой бумаге нежной коричневой краской, сепией. Портрет был чудесный, и женское лицо было благородным, тонким, нездешнего времени. Ее, Сонечкино лицо. Она вздохнула в себя немного воздуха – и запахло холодным морем» [с. 8].

Недаром портрет выполнен не просто коричневой краской, а *«нежной коричневой краской, сепией»*. Сепия – это натуральная коричневая краска, которая мало меняется под влиянием свет и воздуха [Современный толковый словарь русского языка Ефремовой], то есть она мало подвержена внешнему влиянию и влиянию времени.

Роберт увидел в Сонечке женщину, *«освещенную изнутри подлинным светом, предчувствовал в ней жену, удерживающую в хрупких руках его изнемогающую, прильнувшую к земле жизнь, и видел одновременно, что она будет сладкой ношей для его не утружденных семей плеч»* [с. 8].

То первоначальное интуитивное знание о своей жене Роберт в дальнейшем утрачивает.

Все годы жизни с нею он не писал, не было вдохновения.

Здесь мы видим еще один авторский прием структурной, образной и смысловой организации произведения. Жизнь Сонечки, ее восприятие себя зависит от восприятия ее другими людьми, их суждений о ней. Этим подчеркивается личностная незрелость героини, даже инфантильность. Это ключ к пониманию ее образа жизни, ее отношения

к себе. В отношении героини к себе главный трагизм ее жизни – убежденность в том, что она недостойна счастья.

«И каждое утро было окрашено цветом незаслуженного женского счастья, столь яркого, что привыкнуть к нему было невозможно. В глубине же души жила тайная готовность ежеминутно утратить это счастье – как случайное, по чьей-то ошибке или недосмотру на нее свалившиеся» [с. 15].

Если вспомнить ее первый самый подробный портрет, то он дается как полифоническое описание, в котором соединяются голоса брата и сестры Сонечки, в оценочных прилагательных заключены характеристики Сонечки самой себя. В этом описании голос всевидящего автора как бы заглушается голосами его персонажей. В этом портрете отрицательные характеристики показаны как очевидные, а положительные, как проявление великодушия или сострадания описываемого, то есть не имеющие, по мнению героини, ничего общего с реальностью: *«Сострадательная старшая сестра, давно замужняя, великодушно говорила что-то о красоте ее глаз»* [с. 4].

Только вера в любовь мужа дает Сонечки силы покинуть мир книг и начать жать в реальном мире, в котором, однако, она снова не выбирает себя, а полностью растворяется в муже и дочери, уходя в создание для них максимально комфортного существования. Полностью погрузившись в быт, абсолютно счастливая Сонечка, тем не менее, совершенно не заботится о себе: *«Мотаясь в пригородных автобусах и расхлябанных электричках, она быстро и некрасиво старилась: нежный пушок над верхней губой превращался в неопрятную бесподлую поросль, веки ползли вниз, придавая лицу собачье выражение, а тени утомления в подглазьях уже не проходили ни после воскресного отдыха, и после двухнедельного отпуска»* [с. 15].

Поняв, что у мужа есть любовница, Сонечка не только воспринимает это как должное, но и радуется за мужа.

Такое полное забвение себя, своих интересов, бегство от реальности. А может ли она, действительно, чувствовать, сопереживать. Ведь она выбирает одинокую старость, предпочитает вымышленных персонажей реальным людям, причем близким ей людям.

Противопоставленность Сонечки другим персонажам повести, несхожесть ее с ними неоднократно подчеркивается в повести. У мужа и дочери Сонечки было даже что-то вроде заговора против нее, «Роберт Викторович по врожденному высокомерию, Таня – по юности и наследственности, оба претендовали на благу часть отборного интеллектуализма, оставляя за Сонечкой низменные столы и хлеба» [с. 22].

Роберт Викторович на полголовы ниже своей жены, но это не мешает ему смотреть на нее с превосходством: «он посмотрел на нее странным взглядом снизу вверх, но как бы сверху вниз» [с. 5].

Пожалуй, только портрет матери и дочери говорит об их родственной связи. Танечка будучи обладательницей материнского большого роста и большой груди [с. 17]. Однако схожесть внешних характеристик двух героинь становятся также способом актуализации важной смысловой составляющей текста, автор показывает, что внешние характеристики вторичны по отношению к самоощущению и самовосприятию человека: *«Хотя она [Таня] не была красавицей усредненного канона и была лишена общепринятой миловидности, ее длинное лицо с тонким в хребте носом, в сильно вздыбленных кудрявых волосах, узкие светло-стеклянные глаза были на редкость притягательными»* [с. 17]. Привлекательными были и ее *несоразмерность движений и несуразность* [с. 22]. Лейтмотивной деталью Тани становится размашистость, которая является ее не только внешней характеристикой, но и внутренней и всего ее образа жизни.

Большой интерес представляют цветоименования, используемые Л. Улицкой в портретных описаниях героев повести. Цветовых прилагательных не так много в описании Сонечки, но в ее портретных зарисовках присутствуют разные оттенки коричневого цвета. Роберт Викторович представляет жену как нечто «смуглое, печально-умбристое и розоватое, теплое» [с. 6] (умбристый – это темно-коричневый цвет). Коричневый относится к теплым цветам, это цвет земли, также этот цвет считается женским. Но, видимо, героине не нравится ее смуглость, потому что она мечтает о беленькой девочке, Таня такой и родилась.

В повести неоднократно подчеркивается противопоставленность Сонечке белого цвета, который становится символом всего того, что противопоставлено главной героине повести. Белый воплощает как социальную противопоставленность (это она из основных характеризующих черт врача пана Жувальского), так и несхожесть характеров, внутреннего мира и жизненных ценностей. Антиподом Сонечки в повести является Яся, в портретных описаниях которой белый играет характер лейтмотивной детали, неоднократно повторяясь в ее портретных описаниях. Белый относится к ахроматическим цветам, то есть это не цвет, а отсутствие его. Часто белый ассоциируется с холодностью, безжизненностью. В самом произведении есть подобная характеристика белого цвета: *«Посреди зала стоял гроб. Лицо умершего было темным, как бы оплавленным, и только сложенные на груди руки сверкали ледяной белизной того сорта, который Роберт Викторович называл белое-неживое»* [с. 33].

Яся холодна и расчетлива, в какой-то степени она ускоряет уход из жизни Роберта Викторовича. Но в художественном мире Л. Улицкой нет однозначности, ее образы отличаются смысловой емкостью, даже сложностью. Для Роберта Викторовича белизна Яси была «ярче радуги», для него она воплощала «чудо белого, теплого и живого», из этого белого «все производилось, росло, играло и пело о тайне белого мертвого и белого живого» [с. 27].

И что, возможно, самое главное именно Яся вдохновила его снова вернуться к художественному творчеству, он снова начал писать картины, чего не делал долгие семнадцать лет жизни с Сонечкой. И это возвращает нас к вопросу об отношении автора к своей главной героине. Любила ли она кого-нибудь или так и осталась в своем коконе на всю жизнь.

Жизнь главной героини, как и сюжет повести, имеет кольцевую композицию: в юности девушка реальному миру предпочитала мир книг, и в старости она в этом мир возвращается.

«Вечерами, надев на грушевидный нос легкие швейцарские очки, она уходит с головой в сладкие глубины, в темные аллеи, в веиние воды» (с.35).

Подводя итог проведенного исследования, можно сделать вывод, что изображение персонажей в художественном произведении связано с такими структурными текстовыми категориями как цельность и членимость. Портрет персонажа является не только частью образной системы художественного произведения, имеет большую смысловую нагрузку, но и является важным структурообразующим элементом текста, обеспечивая, в том числе, его связность и целостность. Портрет обладает такими свойствами как информативность и регулятивность.

Список литературы:

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Сов. Россия, 1979. – 318 с.
2. Белоусов К.И. Введение в экспериментальную лингвистику. – М.: Флинта, 2011. – 137 с.
3. Белоусов К.И. Синергетика текста. От структуры к форме. – М.: Книжный дом, 2008. – 247 с.
4. Белоусов К.И. Теория и методология полиструктурного синтеза текста. – М.: Флинта, 2009. – 209 с.
5. Беспалов А.Н. Структура портретных описаний в художественном тексте среднеанглийского периода. – М, 2001
6. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. – М.: Флинта, 2009. – 520 с.

7. Большой толковый словарь русских существительных, 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://noun_ru.academic.ru/5260/(дата обращения: 08.12.2023).
8. Габель М.О. Изображение внешности лиц // Белецкий А.И. Избранные труды по теории литературы. – М., 1964
9. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. – М: Высшая школа, 1981. – 334 с.
10. Данте А. Божественная комедия. Песнь 27. Чистилище [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rustih.ru/dante-aligeri-pesn-27-chistilishhe-bozhestvennaya-komediya/> (дата обращения: 07.12.2023).
11. Ильенко С.Г. Русистика: избранные труды. – СПб: РГПУ им. А.И. Герцена – 674 с.
12. Ичкинеева Д.А. Дискретность как категория текста: теоретико-экспериментальное исследование: автореферат канд. дисс. – Уфа, 2011. – 23 с.
13. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.
14. Кожина М.Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта, 2003. – 696 с.
15. Краткая литературная энциклопедия. – Т. 5. – М., 1968.
16. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – 1990 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://les.academic.ru/508/>(дата обращения: 09.12.2023).
17. Лихачев Д.С. Человек в литературе древней Руси. – М; Л., 1958.
18. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lab314.brsu.by/kmp-lite/kmp2/JOB/LingvoDSL/nelyubin_l_l_tolkovyy_perevodovedcheskiy_slovar.pdf (дата обращения: 10.12.2023).
19. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. – М., 1983.
20. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам. – М.: Изд-во «Икар», 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://methodological_terms.academic.ru/ (дата обращения: 08.12.2023).
21. Полный словарь лингвистических терминов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2010 – 523 с.
22. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М: Наука, 1988. – С. 8–70.
23. Российский гуманитарный энциклопедический словарь, 2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://humanities_dictionary.academic.ru/3899/(дата обращения: 06.12.2023).

24. Русский семантический словарь русского языка, систематизированный
25. Сидоров Е.В. Проблемы речевой системности. – М.: Наука, 1987. – 138 с.
26. Словарь лингвистических терминов Т.В. Жеребило, 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lingvistics_dictionary.academic.ru/3199/(дата обращения: 10.12.2023).
27. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1976 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/583>(дата обращения: 04.12.2023).
28. Смирнов И.П. Художественный смысл и эволюция поэтических систем. М., 1977.
29. Современный толковый словарь русского языка Ефремовой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/>(дата обращения: 07.12.2023).
30. Сорокин Ю.А. Текст и его пространство // Категоризация мира: пространство и время. – М., 1997.
31. Сорокин Ю.А. Текст, цельность, связность, эмотивность // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста – М., 1982.
32. Стилистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stylistics.academic.ru/>(дата обращения: 09.12.2023).
33. Толковый словарь Д.Н. Ушакова (ТСУ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/>(дата обращения: 03.12.2023).
34. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/>(дата обращения: 10.12.2023).
35. Цирс А.Г. Язык портретного изображения // Искусство портрета. – М., 1928.
36. Чернухина И.Я. Общие особенности поэтического текста. – Воронеж: Изд-во Воронеж. Ун-та, 1987. – 157 с.

**ТЕМА МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА В СБОРНИКЕ
РАССКАЗОВ Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ
«ЖИЗНЬ – ЭТО ТЕАТР»**

Мохаммед Хамис Габан

*ассистент,
Кафедра русского языка,
Багдадский университет,
Республика Ирак, г. Багдад*

**THE THEME OF THE LITTLE MAN IN THE COLLECTION
OF SHORT STORIES BY L. PETRUSHEVSKAYA
"LIFE IS A THEATER"**

Mohammed Khamis Gabbana

*Assistant,
Department Russian Language,
University of Baghdad,
Republic of Iraq, Baghdad*

Аннотация. Л. Петрушевская – одна из знаковых фигур современной российской прозы, однако ее творчество недостаточно изучено, работ по проблематике и поэтике ее произведений мало в российском и мировом литературоведении. Представляется, что такое невнимание к творчеству писательницы не обоснованно. Изучение произведений Л. Петрушевской позволит понять, как преломляются традиции классической русской литературы в творчестве современных российских авторов.

Abstract. L. Petrushevskaya is one of the iconic figures of modern Russian prose, but her work has not been studied enough, there are few works on the problems and poetics of her works in Russian and world literary studies. It seems that such inattention to the work of the writer is not justified. Studying the works of L. Petrushevskaya will allow us to understand how the traditions of classical Russian literature are refracted in the works of modern Russian authors.

Ключевые слова: русская литература; современная проза; мра; Л. Петрушевская; рассказ; роман; образ героя; «маленький человек».

Keywords: Russian literature, modern prose; mra; L. Petrushevskaya; short story; novel; hero image; "little man".

Данная статья посвящена теме маленького человека в рассказах, вошедших в сборник «Жизнь – это театр». В своих рассказах Л. Петрушевская рисует жизнь «маленького человека» – тема, которая не перестает быть актуальной в русской прозе, она звучит в произведениях классической русской литературы: А. Пушкина, Н. Гоголя, Ф. Достоевского, А. Чехова.

Представляет большой научный интерес проанализировать, каким образом эта тема преломляется в произведениях современного российского автора. Актуальным является описание того, как современная российская писательница смотрит на жизнь человека, как описывает ее, какие художественные средства и образы использует.

Л. Петрушевская – современная российская писательница, драматург и сценарист. Она начала свое творчество как драматург, первые ее пьесы увидели свет в 70-х годах XX века. В 1996 году выходит собрание сочинений писательницы в 5-ти томах. На данный момент Людмила Петрушевская является автором нескольких романов, множества пьес, сценариев, повестей и рассказов. Некоторые ее произведения были экранизированы, многие – переведены на другие языки.

На сегодняшний день тема маленького человека в творчестве Л. Петрушевской не становилась предметом описания в научных работах, посвященных творчеству писательницы. Однако эта тема является одной из наиболее важных, пронизывающих буквально все произведения Л. Петрушевской тем. Этим определяется актуальность исследования, проведенного в рамках написания данной научной статьи.

Научная новизна статьи заключается в том, что данная работа является одной из первых попыток рассмотреть произведения Л. Петрушевской в контексте одной из важнейших тем русской литературы – темы маленького человека, а также проблемы жизненного выбора героев произведений писательницы.

Произведения Л. Петрушевской неоднократно привлекали внимание филологов, которые по-разному воспринимали и оценивали творчество писательницы. Далеко не все литературоведы воспринимали ее произведения положительно, наиболее резкая оценка ее творчества была дана Е. Ованесянам в статье «Творцы распада:

Тупики и аномалии «другой прозы» [6]. Название статьи говорит само за себя, автор излишне эмоционально описывает негативные, на его взгляд, черты прозы Л. Петрушевской. Литературоведы рассматривают ее творчество в рамках различных литературных стилей и направлений, например, магического реализма [12], социальной прозы (Улицкая), считают ее одной из ведущих представительниц постсоветской литературы. С.И. Пахомова считает, что «мрачные произведения Петрушевской

оригинальным образом соединили в себе особенности, присущие так называемому канонически традиционному реализму с чертами постмодернистской игровой поэтики» [7]. Некоторые ученые рассматривают ее произведения в рамках гендерных исследований. Таким образом, процесс осмысления и анализа творчества Людмилы Петрушевской оказался сложным и неоднозначным.

С конца 90-х годов литературоведы стали активно обсуждать феномен женской прозы [11] в русской литературе. Несмотря на то, что основные процессы, происходящие в, так называемой, женской прозе, укладываются в контекст общелитературных процессов, тем не менее, часть исследователей склонна выделять женскую литературу в отдельную область рассмотрения. Словарь дает следующее определение женской прозы – «социокультурный феномен, возникающий в процессе освоения женщинами публичного пространства и выражающийся в появлении литературных текстов, описывающих мир, социальный опыт и практики женщин глазами женщин» [9]. Существует связь между женской эмансипацией и появлением литературных произведений, авторами которых являются женщины.

Сторонники теории женской прозы стараются выявить черты, отличающие женскую прозу от мужской. В ряду представительниц современной женской российской прозы часто звучит имя Л. Петрушевской. Несомненно, есть основания рассматривать творчество Л. Петрушевской с этой точки зрения, так как в ее произведениях часто поднимаются вопросы, касающиеся проблем женщин.

Прозу Л. Петрушевской можно рассматривать и как социальную прозу, потому что писательница и драматург достаточно резко, можно сказать даже язвительно характеризует современное общество, героями ее произведений довольно часто становятся личности маргинальные, писательница не боится поднимать «неудобные» темы.

Зумбулидзе И.Г. в своей статье отмечает, что творчество Л. Петрушевской относят то к «особому типу реализма», «наивному», «магическому реализму», то, называя «соционатурализмом», «прозой шоковой терапии», «чернухой», «примитивом», причисляя то к «другой», «альтернативной» прозе, то к «новой натуральной школе», то к «женской прозе» [2, с. 251], который сочетает в себе мифологические элементы с реалистическими. Писательница использует в своих произведениях фантастические сюжеты, мифологические символы, можно найти в ее произведениях и элементы сюрреализма. На наш взгляд Л. Петрушевская использует элементы магического реализма в качестве художественного приема, который позволяет ей усилить эмоциональное

воздействие ее произведения на читателя, повысить уровень драматизма или даже трагизма описываемого.

Каждый автор художественного произведения, создает на страницах своих творений особый мир, выстроенный в соответствии с его авторским восприятием окружающей действительности, использует только ему (ей) свойственные темы и образы, за которыми стоит авторская индивидуальность.

В данной статье будут проанализированы образы «маленького человека», так характерные для прозы Л. Петрушевской и проблема выбора, которая является одной из главных тем художественной литературы и человеческой жизни в целом. Материалом для анализа послужили рассказы, вошедшие в сборник «Жизнь – это театр».

В книгу Л. Петрушевской «Жизнь – это театр» входят наиболее известные рассказы российской писательницы, отобранные ею самой для этого издания, кроме того в сборник вошли новые произведения Л. Петрушевской.

Выбор названия сборника не случаен. «Жизнь – это театр» – это несколько измененная цитата из произведения В. Шекспира «Как вам это понравится», которая в русском переводе звучит так: «Весь мир – театр, а люди в нем – актеры». Метафора «жизнь – это театр» занимает важное место в творчестве Л. Петрушевской. Каждый человек играет определенную роль в социуме, в семье, с друзьями и знакомыми, поэтому каждый человек в какой-то степени актер, разыгрывающий пьесу своей жизни.

Но кто является режиссером этой пьесы, кто определяет роль или роли, которые играет человек?

Чем эти роли определяются: жизненными обстоятельствами, характером человека?

Эти вопросы волнуют писательницу. Л. Петрушевская показывает, как человек выбирает ту роль, которую он будет играть в своей жизни, выбирает определенный сценарий, как человек делает этот выбор или отказывается от него, предпочитая плыть по течению. Человек – это не марионетка, безвольно следующая движениям того, кто ее ведет, Л. Петрушевская дает понять своему читателю, что человек сам выбирает свой жизненный путь, что он может изменить сценарий, который ему не нравится. Но вот в состоянии ли герои прозы Л. Петрушевской сделать это? Далеко не всегда.

Как уже было сказано, образ маленького человека занимает важное место в творчестве Л. Петрушевской [3].

Героями ее произведений являются обычные люди, которые пытаются справиться с жизненными трудностями, выпадающими на их

долю, преодолеть негативные обстоятельства. Персонажи прозы писательницы не являются героическими личностями, и проблемы, которые они решают, на первый взгляд незначительные, но это те проблемы, с которыми может столкнуться любой человек. Л. Петрушевская показывает насколько слаб может быть человек, на сколько не готов к решительным действиям, на сколько он боится принять решение, взять на себя ответственность за собственную жизнь.

Однако не все герои Л. Петрушевской не в состоянии справиться с жизненными обстоятельствами, есть и такие, которые показывают стойкость и упорство, и в какой-то степени даже героизм, справляясь с собственными недостатками, установками и ограничениями, их внутренняя сила позволяет им преодолеть внешние обстоятельства.

Проблема «маленького человека» в творчестве Людмилы Петрушевской поднимает не только личностные вопросы, но и вопросы, касающиеся проблем современного российского общества, в котором человек предоставлен сам себе, государство и общество не заботится о нем, не замечают его нужд и потребностей [1].

Не чувствующий поддержки человек становится более уязвимым, ему труднее справиться даже с незначительными жизненными трудностями.

Сборник «Жизнь – это театр» открывает рассказ «Али-Баба», который сразу погружает читателя в странный, бессмысленный мир маргинальных личностей. Как известно, Али-Баба – это главный герой сказки «Али-Баба и сорок разбойников», которая входит в сборник «Тысяча и одна ночь». По сюжету сказки Али-Баба, который был простым лесорубом, узнает тайну пещеры, в которой разбойники прячут сокровища, и становится богатым человеком.

В рассказе Али-Бабой зовут женщину, это обстоятельство вызывает удивление читателя и множество вопросов, так как основания такой номинации в начале совершенно не понятны.

Ответ находится в самом конце рассказа.

Начало рассказа можно назвать интригующим, неожиданным, выстроенным на контрастах: герои встречаются в очереди в пивбар, но далее следует описание, которое настраивает читателя на прочтение любовной истории вполне возможно красивой и романтической: «Она оглянулась и увидела синеглазого в финском костюме и с черными ресницами и решила: он будет мой» [8, с. 7].

Авторская ирония сквозит почти в каждом предложении, в каждом слове: «а он терпеливо стоял и ждал разрухи своей судьбы, бедный принц в единственном, что еще у него осталось, в сером финском костюме» [8, с. 7]. Но разруха судьбы героев произошла гораздо раньше их встречи в баре, герои рассказа – алкоголики, влачащие жалкое

существование. Рассказ полон мрачного натурализма. Еще более мрачным повествование делает информация о том, что Али-Баба пишет стихи, которые она в пьяном угаре читает своему новому любовнику. Л. Петрушевская показывает, что эта совершенно опустившаяся женщина является личностью «со своим космосом, и каждый этот космос живет один раз» [8, с. 7].

Как бы иронично не звучали эти слова, то, что они хотя бы отчасти правдивы в отношении Али-Бабы доказывает то, что она, увидев в какой-то момент всю мерзость ситуации, в которой она оказалась, не желает в ней больше оставаться. Правда, и сил справиться, преодолеть ситуацию у нее нет, поэтому она выпивает «давно уже приготовленный флакончик успокоительного» [8, с. 13].

Волшебной пещерой Али-Бабы для героини рассказа Л. Петрушевской становится палата в психбольнице, где у нее есть чистая постель, горячий завтрак.

Более того, Л. Петрушевская показывает, что такой выход из ситуации героиня использует не впервые, до этого она уже принимала таблетки, такое решение проблемы ее не смущает даже тем, что в первый раз она ослепла на сутки.

Так, не прикладывая усилий, рискуя собственной жизнью, героиня хотя бы на месяц вырывает себя из обыденного существования.

Повествование насыщено натуралистическими описаниями, которые усугубляют мрачное восприятие описываемого.

Герои рассказа предпочитают не решать свои проблемы, стараются их не замечать, заливая спиртным, не испытывают любовь, а имитируют ее. Когда алкогольные пары уже не закрывают мрачной реальности, героиня рассказа совершает попытку суицида в надежде попасть теплую и чистую больничную палату – временное решение всех ее проблем. Герои рассказа «Али-Баба» не хотят видеть реальности, не готовы жить в ней.

Так же не способна взять судьбу в свои руки и героиня рассказа, давшего название всему сборнику – «Жизнь этот театр».

Главная героиня произведения Саша «жила осторожно, то есть как осторожно: ни во что не вмешивалась» [8, с. 48]. У читателя складывается ощущение, что не вмешивалась Саша и в свою собственную жизнь.

В отличие от маргинальной личности Али-Бабы, Саша должна была бы быть вполне устроенной в жизни женщиной, вполне возможно даже успешной – «Саша была режиссер с дипломом» [8, с. 49]. Однако Саша ведет весьма странный образ жизни, она «была замужем не в Москве, а где-то в одном из городов Подмосковья, и ездила туда на

выходные, а работа у ней была в Москве» [8, с. 50], в Москве же у нее не было постоянного пристанища и она ночевала у разных знакомых. Л. Петрушевская показывает, жизнь без дома, без тесных семейных уз, без любви женщины образованной, творческой, даже талантливой, но по каким-то причинам не способной организовать, устроить себе достойную жизнь. Но так как Саша была женщиной умной, судя по всему, способной к рефлексии, то она должна была как-то самой себе объяснить выбор такого странного образа жизни, поэтому она придумала себе формулу – «я изучаю жизнь» [8, с. 50].

Эта формула оказалась для нее очень удобной, а главное оправдывающей нежелание что-либо менять в своей жизни, отсутствие стремления к счастью.

Таким же пассивным, как Саша, является и ее муж, который по каким-то своим принципиальным соображениям не хотел делать карьеру и был настолько бесхарактерным, что, когда у его жены появился любимый человек, предложил жене любить двоих.

Саша тихо жила, предпочитая никого не беспокоить, не замечать проблем, но жизнь потребовала свое, потребовала ответов на поставленные ею вопросы, и единственным ответом, который смогла дать Саша – это покончить с самой жизнью: «И хотя Саша ... молчала и молчала, но ответить она должна была, безответно прожить не удалось. ... Что-то толкнуло ответить раз и навсегда, покончить с этим» [8, с. 55].

Особый трагизм повествованию придает то, что Л. Петрушевская на протяжении всего рассказа не показывает истинные чувства и эмоции своей героини, ничто не предвещает беды. Внешние детали скрывают внутреннюю трагедию героини, до самого конца рассказа читатель ничего не подозревает о внутреннем конфликте Саши, о ее нарастающем протесте и необходимости дать какой-то решительный ответ самой жизни.

Концовка рассказа опровергает формулу «жизнь это театр», потому что Саша не смогла так отнестись к своей жизни: «А ведь был выход, был: отнестись ко всему как к мимопроходящему, как к театру (как Шекспир), но что-то, видимо, не дало Саше так легко отнестись к своей жизни, что-то помешало не страдать, не плакать» [8, с. 55].

Совершенно другие образы предстают перед нами в рассказе «Мильгром». Главных героинь в рассказе две – бедная студентка и старуха Мильгром, «девушка в самом начале пути ... а Мильгром явно в конце» [8, с. 19]. Девушка равнодушно слушает бесконечные рассказы Мильгром о ее любимом сыне Сашеньке, девушке лишь надо, чтобы старуха сшила ей платье. Неожиданно студентка узнает, что ра-

дужные рассказы Мильгром о сыне – это ее мечты и фантазии, способ, который нашла мать, разлученная со своим сыном, реализовывать свою нерастраченную материнскую любовь.

На трагизм жизни старухи Мильгром накладывается возможный будущий трагизм жизни нынешней студентки – второй героини рассказа. Судьбы двух женщин не только пересекаются, но как бы накладываются одна на другую, рисуя вечный трагизм материнской любви, робко ждущей ответного движения со стороны ребенка: «Но может наступить время, и девушка мелькнет в конце Малой Бронной в совершенно ином образе, будет носить в сумочке фотографии своего взрослого сыночка и хвастливо рассказывать о нем на скамейке на Патриарших, а позвонить не решится, а самому ему некогда» [8, с. 19-20].

Слова «Мильгром, вечная Мильгром» [8, с. 20] звучат почти как приговор. Однако надо сказать, что в отличие от Али-Бабы и Саши из рассказа «Жизнь – это театр», Мильгром справляется со своей тяжелой жизненной ситуацией, находит из нее выход.

И пусть часть ее жизни – это выдуманный мир, тем не менее, он позволяет ей не просто выживать, а вести полноценную жизнь, наполненную любовью к сыну, которого у нее отняли много лет назад.

В рассказе «Детский праздник» есть две сюжетные линии, одна – это описание детского праздника, вторая – решение родителями судьбы своих неожиданно быстро повзрослевших детей. О фальшивости всего происходящего заявляется в самом начале рассказа: «Разгар событий наблюдался на так называемом детском празднике, где собрались взрослые участники события, а именно трое – дед и фальшивые дед и баба.

Остальные были статисты, и как раз статисты говорили, разговаривали, ели-пили...» [8, с. 22].

Л. Петрушевская в рассказе «Детский праздник» показывает элитарный круг, в котором «детьми дорожили как несусветным богатством, с ними занимались, им читали ... так же важно было обучение языкам, тут приходили педагоги. Детей учили по особенной программе летом и косо смотрели в сторону школы зимой» [8, с. 24]. В этом обществе взрослые были убеждены, что «правильное воспитание давало правильные плоды» [8, с. 20].

Дети всегда были под контролем, все мероприятия продумывались и организовывались согласно плану. Однако в этом продуманном, структурированном мире случился сбой. Одна девочка 16-ти лет забеременела. Ситуация вышла из-под контроля. Л. Петрушевская показывает, как все взрослые участники событий пытаются сохранить лицо, вести себя благородно в соответствии со своими принципами и идеалами, но у них это плохо получается. Отсутствие душевной теплоты,

неготовность к неожиданностям и чрезмерную ориентацию на продуманность и расчет Л. Петрушевская показывает, вводя в повествование цифры. Герои как будто пытаются решить математическую задачу, но жизнь оказывается гораздо сложнее, и не приемлет простых математических решений.

Взрослые оказываются неспособны справиться с проблемой, выбор делает 17-летняя девушка, ставшая мамой в 16. Взрослые, похоже, рады, что все разрешилось само собой, без их участия: «Но все в мире куда-нибудь девается с глаз долой, всё, всё в этом мире, и иногда не найдешь следов, да и кто будет искать. 17 и 0,5 лет, 18 и 19, 12 и 14 ...» [8, с. 30]. Порядочные люди, вкладывающие жизнь в своих детей, на деле оказываются фальшивыми, бесчувственными, не готовыми реально подержать своих детей, помочь им справиться с трудностями родителями.

В рассказе «С горы» мы видим, что самые заурядные, на первый взгляд, люди способны испытывать сильные чувства, любить по-настоящему. Сначала повествование ведется в сатирической манере, кажется, что писательница насмехается над своими героями. Героиня получает уничижительные наименования, повествователь называет ее: «всеобщая Кармен» [8, с. 94], «бедная бабенка» [8, с. 94].

Она выглядит «отталкивающе вульгарной» [8, с. 93]. Ее описание явно показывает, что повествователю героиня не нравится: «коротковато острижена, какие-то парикмахерские пружинки, дешевая завивка, мертвые волосы после свежесделанной химии, далее: выщипанные и выкрашенные сини-черной краской бровки, рот намазанный, разумеется, но тоже как-то дешево» [8, с. 93]. Героиня в начале рассказа не вызывает никакой симпатии.

Отрицательное отношение к описываемому усиливается благодаря сравнению людей с животными и их отношения – с собачьей свадьбой: «Мужская сторона, как это бывает на собачьих свадьбах, разношерстная, четыре особи» [8, с. 94], «толпа восхищенных самцов» [8, с. 94], «смех есть их призывный вой» [8, с. 94], «серьезный голодный самец при параде» [8, с. 94], «стая» [8, с. 94].

Однако, полубив, героиня рассказа преображается, интонации повествователя меняются, он уже с симпатией описывает героиню: «Стройненькая, ладная, не хуже никакой кинозвезды, наша Кармен вся светилась любовью» [8, с. 96].

Банальный курортный роман перерастает в нечто большее – настоящую любовь. От насмешливости, даже язвительности, которая присутствует в начале рассказа, не остается и следа.

В конце рассказа звучат трагические ноты – любовь обрекает людей на страдания: «Однако и на нем уже была эта печаль страдания,

прощания, тоски, которая сопровождает любовь» [8, с. 96]. Разлука с любимым человеком оказывается страшнее смерти: «Дело не в личной смерти, не о том речь, дело именно в вечной разлуке» [8, с. 96].

Мы видим, что в основе сюжета большинства рассказов Л. Петрушевской лежит судьба «маленького человека», с его на первый взгляд маленькими семейно-бытовыми проблемами. На первом плане у писательницы всегда человек, часто за натуралистичностью описаний скрывается глубокий психологизм, раскрывающий трагедию «маленького человека», и может быть, в масштабах жизни всего человечества эта персональная трагедия кажется незначительной, но для этого конкретного человека, она непреерекаемо важна.

Часто герои рассказов Л. Петрушевской оказываются неспособными справиться с проблемами, построить жизнь так, как им хотелось бы, они оказываются не способными сделать выбор и отвечать за него, поэтому предпочитают плыть по течению.

Однако писательница показывает, что такая позиция несостоятельна, и рано или поздно человеку придется держать ответ перед жизнью, но эта ситуация оказывается слишком сложной для некоторых персонажей рассказов Л. Петрушевской и они предпочитают отказаться от самой жизни.

В центре внимания в каждом рассказе Л. Петрушевской оказывается один или два героя, в быт которых автор и погружает читателя.

Фокус внимания автора сосредоточен на них, если использовать театральную метафору, то можно сказать, что свет софитов направлен только на них, вся остальная сцена находится в тени: писательница не дает картину более широкой жизни, не описывает социально-политические коллизии, не рисует картину общества, есть только главный герой или герои, все внимание сосредоточено на них, на их жизни или какой-то ситуации в их жизни, все остальное лишь фон.

Этот фон Л. Петрушевская может обозначить несколькими штрихами, крупными мазками, начертав настоящее и будущее целого поколения, как в рассказе «О, счастье»: «Идут ранние шестидесятые годы, скоро многих посадят, многих из тех, кто тут пирует, начнутся лагеря, ссылки, обыски, эмиграция, подполье в виде кочегарок, диспетчерских при больницах и сторожевых комнатушек с телефоном и топчанчиком – короче, все разлетится» [8, с. 137].

В описаниях рядовых, казалось бы, ситуаций писательница сочетает натуралистичность, даже иногда физиологичность с мистикой.

Отличительной чертой стиля Л. Петрушевской является неожиданность сюжетных ходов, сочетание снижено-бытового с трагически-возвышенным, низкого с высоким.

Парадоксальность – вот слово, которым можно описать и язык писательницы, и сюжеты ее рассказов, неожиданные сочетания слов и образов, неожиданные повороты сюжетов.

Сочетание приземлено-бытового, банального, даже низкого с поэтическим, метафизическим, трагически-высоким – вот, пожалуй, основные черты стиля Л. Петрушевской.

Л. Петрушевская, раскрывая трагедию «маленького человека» показывает, что в душе самого опустившегося человека может скрываться целый мир, в котором есть место любви и поэзии.

Список литературы:

1. Гапутина В.А. Проблема человека и среды в рассказах Людмилы Петрушевской // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 2 (69). – С. 524.
2. Зумбулидзе И.Г. Творчество Людмилы Петрушевской в контексте русского постмодернизма // Молодой ученый. – 2012. – № 6 (41). – С. 250–252.
3. Кириллина О.М. (2010). Маленький человек в "женской" прозе. Русская словесность. – 2010. – № 4. – С. 38–43.
4. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия / под ред. проф. А.П. Горкина. – М.: Росмэн, 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 10.12.2023).
5. Литературная энциклопедия: В 11 тт. (1929–1939). – М.: Коммунистическая академия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: slovaronline.com. (дата обращения: 09.12.2023).
6. Ованесян Е. Творцы распада: Тупики и аномалии «другой прозы» // Молодая гвардия. – 1992. – № 2/3. – С. 249–262.
7. Пахомова С.И. Константы художественного мира Людмилы Петрушевской: автореф. ... дис. канд. филол. наук. – СПб. 2006. – 19 с.
8. Петрушевская Л. Жизнь это театр. СПб: Амфора, 2007. – 398 с.
9. Рабжаева М.В. Женская проза как социокультурный феномен // Идеология студента: сб. ст. – СПб., 2000. – С. 22–26.
10. Словарь литературоведческих терминов С.П. Белокурова. (2005). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://literary_criticism.academic.ru/ (дата обращения: 08.12.2023).
11. Тезаурус терминологии гендерных исследований (2003). М.: Восток-Запад [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gender.academic.ru/375> (дата обращения: 10.12.2023).
12. Хорева Л.Г. Магический реализм Л. Петрушевской (на примере рассказов сборника «Два царства») // Вестник славянских культур. – 2018. – Т. 47. – С. 207–212.

РАЗДЕЛ 2.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2.1. КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ, ВИЗАНТИЙСКАЯ И НОВОГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

ВОСПРИЯТИЕ ЦВЕТА КАК ОТРАЖЕНИЕ УНИВЕРСАЛЬНОГО И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ОПЫТА

Кошечкина Анна Олеговна

*студент,
Московский городской
педагогический университет,
РФ, г. Москва*

Бубнова Ирина Александровна

*научный руководитель,
Московский городской
педагогический университет,
РФ, г. Москва*

В многочисленных работах, выполненных в рамках различных лингвистических направлений, и, прежде всего, в этнопсихолингвистике, убедительно доказано, что даже такое объективное, общее для всех людей физическое ощущение, как цвет, в разных языках отражается по-разному, наименования окрасок составляют в каждом языке сложную систему, и системы разных языков обнаруживают показательные расхождения [3; 4; 5; 7; 8].

Этот факт вполне закономерен, так как понятие *цвет* тесно связано с триадой "человек – язык – культура". Имена цвета являются тем фактором действительности, который определяет индивидуальные и национальные особенности языковой личности, отражает культурные

обычаи и традиции, социальный статус и духовный мир человека. Каждая языковая личность существует в пространстве языковой и концептуальной картин мира в формах общественного сознания. Концептуальная и языковая картины мира связаны между собой и формируют тип отношения человека к миру, определяют нормы и правила коммуникативного поведения. Язык окрашивает через систему своих значений и их ассоциативных связей картину мира в национально-культурные "цвета", хранит и передает её из поколения в поколение.

Однако современный мир стремительно меняется, а национальные культуры под воздействием глобализации постепенно изменяются. Замещение национальных культурных ценностей, ведущих к изменениям в видении мира отдельной личностью, отражается и в восприятии цветов, которое всегда рассматривалось как одна из наиболее стабильных сфер видения мира [1; 2].

В связи с этим возникает вопрос о том, какое содержание стоит за определенным цветом в сознании носителя языка, насколько данное содержание связано с культурными и универсальными феноменами. Не менее интересно выяснить, чем в большей степени определяется данное содержание – культурой или личностным смыслом. Исследование данных проблем явилось **основной целью нашей работы.**

В качестве **основного метода исследования** был выбран ассоциативный эксперимент. Стимулами в ассоциативном эксперименте явились цвета *красный, синий*. В ходе эксперимента участникам была дана следующая инструкция: «Напишите первые пришедшие Вам в голову слова на слово, которое я назову». При обработке результатов учитывалась только первая реакция, данная на стимул.

В эксперименте приняли участие 40 человек. Первая группа респондентов (n=20), средний возраст 15 лет. Вторая группа респондентов (n=20), средний возраст 25 лет.

В первой группе на стимул *красный* были получены следующие АР: *тревожность (6), огонь (5), опасность (4) сигнал о спасении (2), пульсирование (2), яркое пламя (1)*.

Полученные реакции относятся к универсальным реакциям, характерным для западной культуры в широком смысле этого слова. Красный ассоциируется с тревогой, связанной с угрозой, которая объективируется в сознании с конкретным явлением – огнем, привлекающим внимание и сигнализирующим об опасности. Отметим, что в целом полученный ассоциативный ряд негативно окрашен, и этот факт требует дальнейших исследований, т.к. в русской культуре красный цвет является не только символом огня, что связано с риском, но и символом солнца, воинской славы, крови и любви.

На стимул *синий* в данной группе были получены следующие АР: *море* (5), *доброта* (4), *смелость* (3), *спокойствие* (3), *кувшин* (2), *слезы* (2), *дельфин* (1).

АР, полученные на стимул *синий*, частично предметны – *море*, *кувшин*, *слезы*, что полностью коррелирует с тезисом А.Н. Леонтьева о функции предметного значения [8], через которое осознается окружающий мир, «входящий» в индивидуальное сознание и превращающийся в индивидуальный образ мира. В данном случае порождение цветового значения – это переход от коннотативной нерасчлененности к предметно-категориальной организации, включающей обогащение содержания на каждом уровне порождения [10]. Часть АР относится к абстрактным явлениям, и это иллюстрирует мысль П.В. Яньшина, утверждающего, что под естественным значением цветов необходимо сознать любую феноменологию, которая связана с восприятием, воздействием или использованием цветов при условии ее (феноменологии) устойчивости [12].

На стимул *красный* во **второй группе** респондентов были получены такие АР: *флаг* (5), *красота* (4), *гордость* (4), *поляна* (3), *Россия* (3), *спасение человека от опасности* (1).

Интересно, что, в отличие от первой группы здесь практически все АР обусловлены русской культурой: АР *опасность* единична, а остальные реакции тесно связаны с типичными для древних славян символами, прежде всего – воинской славой и защитой.

На стимул *синий* в данной группе были получены следующие АР: *безмятежность* (7), *спокойствие* (5), *небесные дали* (4), *сохранение ценностей* (3) *умиротворение души* (1).

Таким образом, стимул *синий* ассоциируется с гармонией и умиротворением, причем, в отличие от первой группы, весь ассоциативный ряд, за исключением АР *небесные дали*, представлен абстрактными существительными, отражающими состояние душевного покоя. Отметим, что эти результаты еще раз подтверждают выводы о связи эмоционального состояния и цвета, сделанные психологами [11; 12]. Более того, они могут рассматриваться как универсальные, т.к. в соответствии с тестом М.Люшера [9] именно синий цвет, выбираемый испытуемыми, символизирует спокойствие и удовлетворенность.

Подводя итог, подчеркнем, что основное отличие между двумя исследованными группами состоит в том, что АР, данные респондентами в младшей группе, носят, во-первых, достаточно предметный характер, и, во-вторых, в целом могут определяться как универсальные либо отражающие своеобразие западной, но не славянской культуры. В АР, полученных в старшей группе, прослеживается связь с русской

национальной культурой. Это замечание касается, прежде всего, содержания, стоящего за словом *красный*, однако и АР *небесные дали*, полученная на стимул *синий*, помимо своей предметности, отсылает, как представляется, к классической русской литературе, которая является основой для реконструкции национальной языковой картины мира, воссоздающей специфику мировидения народа.

Список литературы:

1. Бубнова И.А. Динамика индивидуального цветовосприятия как отражение изменений национальной культуры // Вопросы психолингвистики. – 2022. – № 1 (51). – С. 56–65.
2. Бубнова И.А. Почему "покраснела" звукобуква я? // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2022. – № 2. – С. 229–237.
3. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. – М.: Лабиринт, 2004. – 320 с.
4. Гумбольдт, В. фон. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества / В. фон Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 37–298.
5. Журавлев, А.П. Фонетическое значение / А.П. Журавлев. – Л.: ЛГУ, 1974. – 148 с.
6. Журавлев, А.П. Значение и звучание. Звук и цвет [Электронный ресурс] / А.П. Журавлев // Психология и психоанализ рекламы. Личностно-ориентированный подход: учебное пособие для факультетов психологии, социологии, экономики и журналистики. – Самара: Издательский Дом БАХРАХ-М, 2000.
7. Залевская А.А. Из опыта сопоставления ассоциативных реакций в условиях различных культур / А.А. Залевская // Психолингвистика и обучение русскому языку нерусских. – М.: Русский язык, 1977. – С. 158–171.
8. Леонтьев А.А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах / А.А. Леонтьев // Словарь ассоциативных норм русского языка. – М.: Изд. МГУ, 1977. – С. 3–16.
9. Люшер М. Магия цвета / М. Люшер. – Харьков: АО «СФЕРА»; «Сварог», 1996а. – 432 с.
10. Петренко, В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику. Исследование форм репрезентации в обыденном сознании / В.Ф. Петренко. – М.: МГУ, 1983. – 175 с.
11. Шмелев, А.Г. Введение в экспериментальную психосемантику / А.Г. Шмелев. – М.: МГУ, 1983. – 157 с.
12. Яньшин П.В. Психосемантика цвета / П.В. Яньшин. – СПб.: Речь, 2006. – 368.

2.2. РУССКИЙ ЯЗЫК

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ НЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ

Гадах Тарек Сабри

*преподаватель,
кафедра русского языка,
Багдадский университет,
Ирак, г. Багдад*

METHODS OF FORMATION OF NEOLOGISMS IN MODERN RUSSIAN BASED ON THE MATERIAL OF THE MODERN RUSSIAN PRESS

Gadax Tarek Sabri

*Teacher,
Department of Russian Language,
Baghdad University,
Iraq, Baghdad*

Аннотация. Описание словообразовательных неологизмов позволяет выявить динамику изменения лексического состава русского языка, описать деривационный потенциал языка, выявить направление развития лексической и словообразовательной систем русского языка. В качестве материала исследования выбраны российские СМИ, так как на современном этапе средства массовой информации являются источником большинства инноваций в русском языке.

Abstract. Russian word-formation neologisms description allows us to identify the dynamics of changes in the lexical composition of the Russian language, describe the derivational potential of the language, identify the direction of development of the lexical and word-formation systems of the Russian language. The Russian mass media were chosen as the research material, since at the present stage the mass media are the source of most innovations in the Russian language.

Ключевые слова: неология; словообразование; современный русский язык; неологизмы.

Keywords: neology; word formation; modern Russian language; neologisms.

Язык представляет собой многоуровневую систему взаимосвязанных и взаимообусловленных единиц. Эта система достаточно устойчива, но, тем не менее, она находится в постоянном движении, развитии. Одним из следствий происходящих в языке изменений является появление новых слов, пополняющих словарный состав языка. Неологизация языка может происходить как за счет заимствования слов, так и за счет внутренних ресурсов языка – образования новых лексем по существующим деривационным моделям. Благодаря процессу неологизации происходит обновление словаря данного языка. Изучением деривационных процессов и вопросами неологии занимались такие видные ученые, как Е.А. Земская, Е.С. Кубрякова, В.В. Лопатин, В.Н. Немченко, Г.А. Николаев, М.В. Панов, И.С. Улуханов, Н.М. Шанский, Н.А. Янко-Триницкая и другие ученые. Одним из активно развивающихся направлений лексикологии является неология. Неология не только фиксирует и описывает новые слова и их значения, но и анализирует причины, вызывающие к жизни языковые инновации. Н.З. Котелова определяет неологизмы следующим образом: «Неологизмы – это слова, значения слов и идиомы, существующие в определенном языке, подъязыке и языковой сфере и не существовавшие в предшествующий период в том же языке, подъязыке, подъязыковой сфере» [8, с. 171]. К неологизмам она также относит слова, которые «были образованы от давно образовавшихся слов по известным моделям лишь в последние годы (их регистрируют письменные источники только последних лет)» [8, с. 175].

И.Г. Добродомов отмечает, что существует узкое и широкое понимание неологизмов. «В широком смысле слова неологизм может быть лексическим, словообразовательным, фонетическим, морфологическим и синтаксическим. В узком смысле слова неологизмом называют лексическое или семантическое новообразование» [2, с. 216]. В данной работе будут рассмотрены исключительно словообразовательные неологизмы.

Выбор в качестве объекта исследования именно деривационных процессов в неологизации связан с тем, что словообразование целиком ориентировано «на коммуникацию, на передачу знаний о мире, на структурирование тех элементов окружающего мира, которые в процессе деятельности субъект выделил и которыми овладел» [24, с. 213]. Кроме того, как утверждает Л.Ю. Касьянова, «абсолютное большин-

ство неологизмов создается с помощью словообразовательных средств (3691 из 5120 зафиксированных единиц, что составляет 72, 1 %)» [6]. В настоящее время в русском языке идет активный процесс неологизации, вызванный, по мнению многих ученых экстралингвистическими причинами (см. например работы Котеловой 2002, Касьяновой 2009). Необходимость в новых номинациях возникает из-за значительных экономических, политических и социальных изменений в жизни российского общества.

Л.В. Рацибурская (2011) полагает, что неологизмам присуща «своеобразная маркированность временем, которая влечет за собой известную необычность, свежесть на фоне привычных языковых форм» [17, с. 22].

Описание словообразовательных неологизмов, появившихся в последние годы в русском языке, позволяет увидеть динамические процессы как в лексической, так и словообразовательных системах русского языка, выявить актуальные тенденции в механизмах деривации в русском языке. Этим объясняется актуальность темы данного исследования.

Л.Ю. Касьянова в своей диссертации «Когнитивно-дискурсивные проблемы неологизации в русском языке конца XX – начала XXI века» заявляет о том, что «словообразовательный механизм используется как средство моделирования новых производных единиц номинации, участвующих в перекраивании сложившейся ранее языковой картины мира», кроме того «новые производные слова составляют значительную часть номинативного фонда русского языка» [6]. По подсчетам ученого большую часть словообразовательных неологизмов составляют сложные слова и аффиксальные дериваты [6]. Несмотря на то, что неология существует с 70-х годов прошлого века, ее терминологический аппарат несовершенен, нет единства в использовании терминов и их понимании.

В.В. Лопатин в своей работе «Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования», написанной в семидесятых годах прошлого века, привел список, состоящий из пятнадцати терминов, используемых для обозначения инновационных явлений в языке: неологизмы, инновации, новообразования, авторские слова, индивидуальные слова, стилистические неологизмы, индивидуально-стилистические неологизмы и т.д. За время, прошедшее с момента написания им данной работы, количество терминов, используемых в работах по неологии, не только не уменьшилось, а наоборот увеличилось, это значит, что терминология не была систематизирована, появились, например, такие термины, как эгологизмы, слова-метеоры, слова-однодневки и т.д.

Исходя из вышесказанного, в начале работы необходимо определиться с терминологией, которая будет использована в данной статье. Мы будем различать языковые неологизмы, к которым относятся новые слова, вошедшие в словарный состав русского языка, и окказиональные неологизмы – продукт словотворчества писателя, журналиста и т.д.

Окказионализмы – это слова, которые образованы по непродуктивным моделям, используются только в условиях данного контекста [18]. Возникновение окказионализмов носит случайный характер, они являются продуктом творческой речевой деятельности индивида, они возникают в определенной речевой ситуации и тесно с нею связаны.

Е.А. Земская [3] противопоставляет окказионализмы узуальным словам на том основании, что «при их [окказионализмов] образовании нарушаются (обычно сознательно, в целях экспрессии) законы построения ... общеязыковых единиц, нормы языка [3, с. 228]. По мнению Е.А. Земской, окказионализм зависит от контекста.

Следует сразу оговорить, что окказиональное слово в большинстве случаев не является случайным, спонтанным и необязательно имеют исключительную привязку к какому-либо одному тексту. О дальнейшей судьбе окказиональных слов, продолжительности их существования в речи носителей русского языка нельзя судить в синхронном языковом срезе, об этом можно будет говорить только по истечению определенного времени: либо слово войдет в словарь русского языка, либо останется инноваций, связанной исключительно с определенным текстом или текстами.

В работах по неологии используется также термин потенциальное слово. Потенциальные слова – слова, образованные по продуктивным моделям русского языка [4]. Новизна потенциальных слов может не ощущаться носителями русского языка из-за продуктивности модели их образования, потенциальные слова не имеют связи с определенным контекстом, в отличие от окказиональных слов, так как мотивированность «способствует адекватному пониманию нового слова, уменьшает его зависимость от контекста [21, с. 69]. Семантика потенциальных слов прозрачна, так их значение выводится из значения производящей основы и словообразовательного форманта, эти слова заполняют лакуны, существующие в определенном словообразовательном типе. Их появление возможно, но не обязательно.

По мнению Т.В. Поповой (2005), новое слово, образованное по продуктивным словообразовательным моделям русского языка и с использованием продуктивных формантов, не вызывает у носителей русского языка ощущение новизны [16, с. 7], то есть потенциальные слова

могут не быть идентифицированы носителями русского языка как неологизмы.

Термин «потенциальное слово» не представляется удачным, так как возникает противоречие: потенциальный – это возможный, однако слово уже появилось в языке, значит, эта потенциальная возможность его создания по продуктивным словообразовательным моделям русского языка была реализована.

В отличие от окказионализма потенциальное слово образуется по известной словообразовательной модели и имеет шанс войти в употребление, стать достоянием словаря [10].

Однако и окказиональная лексема «имеет шанс войти в употребление», достаточно вспомнить слова, созданные русскими писателями: *промышленность*, *человечный* (Н.М. Карамзин), *бездарь* (И. Северянин) и другие, которые прочно вошли в словарный состав русского языка и не воспринимаются носителями языка в качестве авторских неологизмов.

Несмотря на то, что Е.А. Земская считает необходимым описывать и потенциальные неологизмы, так как «необходимо изучать не только то, что реально существует, но и то, что возможно, хотя и лексически не представлено» [4, с. 210], в задачу данного исследования не входит описание потенциальной возможности словообразовательной системы русского языка, поэтому использование данного термина не представляется релевантным для данной работы. Кроме того, в работах по неологии нет четкого разделения терминов «потенциальное слово» и «окказионализм», эти понятия часто смешиваются, поэтому во избежание терминологической путаницы мы будем использовать термин «окказионализм».

Существует деление неологизмов на узуальные и незуальные, отражающее отношение неологизмов к языку/речи. К узуальным неологизмам относятся лексемы, которые уже вошли в узус, то есть достаточно регулярно используются в речи носителей русского языка, соответственно можно сказать, что эти языковые единицы характеризуются регулярной воспроизводимостью (например, такие слова, как *бот*, *фэйк*, *спойлер*). Однако в лингвистике под термином узуальное слово понимается также слово, которое меняет свой стилистический статус: переходит из разряда ненормативной лексики в разряд лексики нормативной, или не является нормой, но широко распространено в речи носителей языка: *одеть ботинки*. К незуальным неологизмам относятся потенциальные слова и окказионализмы.

Незуальные слова, как следует из значения самого термина, противопоставляются словам узуальным, то есть вошедшим в язык. В

неузуальном словопроизводстве представлен более широкий спектр словообразования, чем в узальном. К неузуальным неологизмам могут быть отнесены окказиональные и потенциальные слова.

Неологизмы могут быть лексическими, семантическими, словообразовательными и морфологическими. Предметом рассмотрения в данной работе являются словообразовательные неологизмы, будет рассмотрено аффиксальное словообразование, словосложение, сращение, аббревиация ... Повтор?

В качестве основного термина мы будем использовать термин неологизм, под словообразовательными неологизмами в данной работе понимаются лексемы, созданные по существующим в русском языке словообразовательным моделям. Словообразовательные неологизмы сами становятся производящими основами для новых слов, служат основой последующего словотворчества.

При аффиксальном словообразовании основным выразителем словообразовательного значения являются аффиксы – префиксы и суффиксы, соответственно к аффиксальному словообразованию относятся префиксация и суффиксация. Словообразовательный формант выражает значение, которое будет общим для неологизмов, образованных однотипным образом.

Словообразовательные аффиксы имеют ряд функций семантическую, транспонирующую или структурную, экспрессивную, категориальную [11, с. 159].

Одним из способов образования новых слов является префиксация. Л.Ю. Касьянова полагает, что изменилась направленность лексических единиц, образованных префиксацией. Ученый пишет: Если в 90-е годы в количественном отношении выделялись новообразования с общим значением противоположности, отрицания, что характеризовалось явной социальной детерминированностью ..., то в начале XXI века большинство префиксальных производных создается для обозначения интенсивности проявления признака предметов, выражения повышенной экспрессии, эмоциональности, превосходства» [6]. Наше исследование в целом подтверждает выводы, сделанные Касьяновой.

К продуктивным словообразовательным префиксам в современном русском языке относятся префиксы *де-*, *до-*, *за-*, *от-*, *пере-*, *по-*: *догазификация*, *делимитация*, *перезагрузить*, *отформатировать*.

Южная Осетия призвала Грузию приступить к делимитации границы (ТАСС, 26.08.2023);

Главврач больницы в Коммунарке Денис Проценко говорил РБК, что президент попросил его помочь перезагрузить систему здравоохранения (Ведомости, 15.08.2021).

Префикс от- по значению совпадает с предлогом от, и указывает на удаление или отделение от чего-либо с подтипом значения «интенсивно, тщательно, полностью, окончательно совершить действие, названное мотивирующим глаголом» [13, с. 143].

Действительно, достаточно массовой атаки на нее в течение нескольких дней в сообществе таких же мотивированных сверстников и доминирующих взрослых, чтобы радикально отформатировать систему ценностей, интересов и устремлений (РИА Новости, 16.07. 2017).

Большую активность проявляет префикс за-: *за-банить, за-ценить, за-мотивированный*, имеющий значение «покрыть(ся), закрыть(ся), наполнить(ся) чем-либо посредством действия, названного мотивирующим глаголом» [13, с. 82]:

Многие операторы связи не замотивированы на качественную и добросовестную работу (Парламентская газета, 24.12. 2021).

Активны в текстах современных российских СМИ дериваты, характерные для разговорного словообразования, например, использование префикса за- вместо нормативного о-:

Заценив размах и масштаб инфотаки на прогнившую насквозь правящую элиту... (Московский комсомолец, 11.10.2016).

Особую активность проявляет префикс пере- в глагольном словообразовании, глаголы с этим префиксом имеют значение «повторно, заново, иногда по-новому, иначе совершить действие, названное мотивирующим глаголом» [19, §870, с. 363]:

Военное строительство блока полностью перенацелено на подготовку к крупномасштабному вооруженному конфликту высокой интенсивности с Россией (Ведомости, 17.12. 2021).

Префикс по- часто используется в значении «небольшая интенсивность действия; неполнота, меньшая степень признака» [13, с. 157]:

И 13-летнему Максиму Андрееву, мечтающему побыть машинистом электропоезда, дали поуправлять «Сапаном» (Парламентская газета, 28.12. 2021).

Большую продуктивность в современном русском языке имеет префикс недо-: *недоросок, недовесок, недоносок, недоучка, недосыпать, недоделывать, недосып*. Как указывает «Русская грамматика», «существительные с префиксом недо- имеют значение “предмет, не в полной мере наделенный тем или не в полной мере являющийся тем, что названо мотивирующим словом”. Тип проявляет продуктивность в разговорной речи» [19, §510, с. 230].

В апреле агентство выпустило критическую статью, в которой российский танк Т-90 М «Прорыв» был назван «недоАрматой» (Lenta.ru, 03.09.2020);

Кем Чен Ир расстрелял министра финансов за очередную недоперемену (Комсомольская правда, 19.12. 2011).

В качестве производящей основы могут выступать аббревиатуры, например недоСМИ:

Блогер – это такое недоСМИ, которое, впрочем, влюбой момент может зарегистрироваться как СМИ и в дополнение к обязанностям получить и права (Vesti.ru, 31.07.2014).

Глаголы, образованные при помощи префикса недо-, будут обозначать не полностью совершенное действие, или действие не доведенное до необходимой нормы [13, с. 123]:

На текущий момент недоудаленными остается более 2000 материалов в Facebook и Instagram (Ведомости, 21.12.2021);

Сейчас как раз есть возможность для реконструкции, пока весь аэропорт и терминал F в частности остаются недозагруженными (Ведомости, 21.12.2021).

Продуктивными в современном русском словообразовании являются иноязычные приставки *экс-, анти-, ре-*:

Умер экс-глава Ельцинской администрации Сергей Филатов (Коммерсантъ, 26.08.2023)

Продуктивным способом словообразования в современном русском языке является суффиксация при помощи которой создаются неологизмы разных частей речи, среди существительных это прежде всего названия лиц, процессов, а также абстрактные существительные с суффиксами *-ость* и *-изм-ость*, *-ация*, *-ение*: *невыносимость, отечественность, вовлеченность, визуал-изация, спойлерство*.

Документ закрепляет критерии, по которым будет определять уровень «отечественности» (Коммерсантъ, 18.07.2022);

Как бы Акопов устами своих персонажей ни подчеркивал невыносимость жизни в девяностые... (Lenta.ru, 19.08.2019).

Кроме того, говорит он, интеграция и визуализация данных только к 2023 году – очень большой срок... (Коммерсантъ, 07.12.2020).

Надо отметить, что основы заимствованных слов активно участвуют в деривационных процессах в современном русском языке. В современном русском языке активно идет образование глаголов от заимствованных существительных: *монитор-и-ть, транзит-ирова-ть, таргет-ирова-ть*:

С уровня региона оперативно отслеживать состояние данного фонда, мониторить, каким образом он используется, очень сложно (Парламентская газета, 24.12.2021);

Ведь он не забронировал этот трафик потому, что те его контрагенты и компании ..., которые покупают газ по этому маршруту, не выставили заявок на покупку. Что транзитировать, если нет заявок на покупку? (Ведомости, 23.12. 2021).

Нам нужно все сделать, чтобы таргетировать инфляцию, подавлять ее... (Парламентская газета, 26.12.2021).

Большой продуктивностью отличается суффикс –к-,: *аватар-к-а*, *нетленка*, *величка*, *вечка* (от вечный), с его помощью образуются новые феминитивы – *авторка*, *блогерка*, *бухгалтерка*.

При суффиксации в современном русском языке производящими основами могут выступать аббревиатуры (эмгэушник, фээсбэшник), междометия.

Например, образование глаголов от междометий при помощи суффиксов –а/ка-: *алекачь*, *бекать*:

В конференц-зале поликлиники стоял детский гам, кругом все «азукали», «бекали» и «алекали», особенно любознательные непоседы ходили между рядами и изучали своих сверстников (Комсомольская правда, 15.01.2011).

Помимо неологизмов, образованных по характерным для русского языка словообразовательным моделям с использованием существующих в русском языке корней и аффиксов, в последние годы появляются лексемы, образованные по инновационным моделям, с использованием аффиксов, ранее не характерных для русского словообразования, словообразовательные модели заимствуются из английского языка, например, так образованы прилагательные *смотрибельный*, *читабельный*.

Пляжный футбол – зрелищный и смотрибельный вид спорта (Lenta.ru, 11.09.2016);

Возвращаясь домой после очередной депортации, он садится и старается придать этим заметкам читабельный вид (Комсомольская правда, 01.05.2014).

Большое количество неологизмов в современном русском языке образованы префиксально-суффиксальным способом: *за-бан-и-ть*, *отлогин-и-ть-ся*, *с-продюсир-ованн-ый*, *за-кредит-ованн-ый*, *раз-мандач-ивани-е*:

... слова «пехтинг», «малкинг» и «размандачивание депутата» стали крылатыми (Московский комсомолец, 05.2016);

Ресурс может сам удалить информацию и забанить автора, если нарушение очевидно (Парламентская газета, 02.09.2021);

Лидером по просмотрам стал сериал, спродюсированный Александром Цекало (Ведомости, 31.12.2021);

... кредиты не станут менее доступны гражданам, кроме уже закредитованных заемщиков (Парламентская газета, 31.12.2021).

Среди окказиональных образований преобладают лексемы эмоционально нагруженные, которые усиливают выразительность текста, часто авторы весьма резки в своих оценках. Например, лексема *отпентагонить*, которая была использована Марией Захаровой – официальным представителем МИД РФ. Глагол *отпентагонить* образован от существительного Пентагон при помощи приставки *от-* и глагольного суффикса *-и-*, данная модель характерна для разговорного русского языка и просторечия, подобного рода образования звучат уничижительно и/или грубо:

«Отпентагонят и бросят», – Мария Захарова едко прокомментировала заявление США по Мосулу (Торnews, 14.12.2021).

Еще одним грубо-пренебрежительным словом является существительное-неологизм *понтиндосник*, которое образовано от основы *пиндос пиндос* (оскорбительное название американцев) приставки *под-* + суффикс деятеля *-ник* (РБК Дейли, 11.2011).

Широко используется в современных российских СМИ безаффиксальный способ образования новых слов. При безаффиксальном словообразовании происходит усечение производящей основы, как правило, отсекается конечная часть основы, морфемный шов, как правило, не учитывается: *вброс, откат, откос, админ*:

Ведь при условии голосования из любого места админ должен будет ввести информацию по каждому избирателю, получившему бюллетень (Московский комсомолец, 30.09.2016).

... если врач повязан с военкоматом, то из немалой суммы за откос от армии ... ему достанется лишь 10-20 тысяч (Lenta.ru, 19.10.2017).

К неморфемным способам словообразования относят сращение, при котором слово образуется от словосочетания и тождественно ему по значению, то есть происходит слияние двух самостоятельных слов: *сисадмин* – ‘системный администратор’, *мобильник, флешка*. Различают чистое сращение и сращение с суффиксацией.

Видом компрессивного словообразования является универбация. Универбация – «способ образования слова на основе словосочетания, при котором в производное слово входит основа лишь одного из членов словосочетания, так что по форме производное слово соотноси-

тельно с одним словом, а по смыслу с целым словосочетанием» [4, с. 82]. При универбализации производное слово мотивируется словосочетанием, но в его структуру входит основа только одного члена словосочетания, например: *видеокарта* → *видуха*. Примеры часто используемых в СМИ универбатов: *оборонка, социалка, нобелевка, упрощенка, обменник, ужастик, внедорожник, наработки, подвижки, пробуксовка, стрелялка*.

Универбация как способ словообразования широко использовалась в разговорном стиле русского языка, в последние годы в результате демократизации норм русского литературного языка универбатов часто встречаются в текстах российских СМИ.

Наиболее продуктивной моделью образования универбатов является модель «глагол + суффикс *-лк(a)*», однако используются и другие модели, например: с суффиксами *-ник, -шк/ашк*: *исходный файл* → *исходник, инсталляционная программа* → *инстал-яшк-а*.

Активно используется в современных российских СМИ способ образования новых слов – субституция, заключающаяся в замене морфемы исходного слова: *ночной дождор* (Коммерсантъ, 13.11.2021);

Маленьким мальчиком Гончаров наблюдал за жизнью, которую вел его крестный, образованный дворянин: до обеда он не вставал с постели, долго обедал в компании друзей, после устраивались философские «полежалки», на которых решалась судьба России (Коммерсантъ, 25.06.2012);

Н.А. Янко-Триницкая полагает, что при субституции образование нового слова происходит «не по образцу как структурной схеме, а по аналогии к конкретному слову путем извлечения из него корня (основы) и замены его другим корнем [25, с. 463].

Таким образом, при субституции может происходить как замена аффиксов, так и замена основ – трансрадикация. Следует отметить, что такое понимание субституции является спорным, и не все ученые согласны, что в процессе словообразования возможно присоединение основы к аффиксам, а не наоборот (см., например: Немченко, 1994: 259): *навальнята, путинизм, Ельцин-центр*.

Н.А. Николина считает, что «развитие русского словообразования на рубеже XX-XXI вв. характеризуется “композитивным взрывом”. По подсчетам исследователей, каждое третье слово, появившееся в последнее десятилетие, образовано сложением» [15]. Сложение является одним из продуктивных способов образования новых слов, позволяющим дать семантически емкое наименование различным явлениям действительности, при этом, экономя речевые усилия: *нейросеть, нацпроект, нефтевро*.

Россией овладевает идея нефтеевро (Коммерсантъ, 16.10.2013).

В русском языке появилось большое количество композитов с несклоняемой первой частью: *арт-терапия, веб-страница, премиум-пакет, спам-рассылка*. Несклоняемый компонент чаще всего является основой заимствованного слова, однако может быть и единицей русского языка, например, *Ельцин-центр*. Такого рода образования являются примерами аналитических тенденций в русском языке. В состав композитов могут входить аббревиатуры, состоящие из букв кириллического алфавита, так и латиницы, иногда такие образования могут существовать как варианты одного и того же слова: ИТ-компания / АйТи-компания / ИТ-компания.

Установка на языковую игру вызывает к жизни большое количество контаминированных лексических единиц. Н.А. Николина считает, что «если раньше контаминация рассматривалась преимущественно как способ окказионального словопроизводства..., то применительно к современной русской речи уже можно говорить об узуальном, причем продуктивном способе словообразования, который представляет собой разновидность сложения» [15].

При контаминации происходит слияние или наложение усеченных компонентов двух основ: *гейропа, самомучитель (самоучитель + мучитель), гденьги (где + деньги), АиФория, (АИФ – газета «Аргументы и факты» + эйфория), прихватизация, дерьмократы, видеот, мемуаразм, Азиона (Азия+ Европа), трепортаж (трепаться + репортаж)*. Контаминированные лексические единицы называют еще гибридными, синкретическими, словами-кентаврами.

Европа, привлекательная еще в нулевые, сейчас воспринимается россиянами как «гейропа», подверженная кризисам и нашествию мигрантов (Ведомости, 03.12.2018);

Впервые за последние несколько лет на Московском фестивале не будет программ Андрея Плахова «АиФория» и Петра Шепотинника «Восемь с половиной» (Lenta.ru, 10.12.2014);

... постоянный и нервный внутренний диалог на тему о том, являемся ли мы самой восточной страной Европы или самой западной страной Азии (то есть «азионами» или «евразийцами») (Огонек, 10.12.2018).

Н.А. Николина полагает, что в современном политическом дискурсе доминируют: суффиксация, сложение и сращение. Сложение и сращение – это слова, которые образованы от словосочетаний путем языковой компрессии. Происходит компрессия смысла [15]. Еще одним способом образования слов является аббревиация. В русском языке широко распространена буквенная аббревиация – аббревиатура со-

стоит и начальных букв слов производящего словосочетания: *специальная военная операция* → *СВО*, *частная военная компания* → *ЧВК*, *Система быстрых платежей* → *СБП*.

Еще одним деривационным механизмом является обратное словообразование или редеривация. Словарь дает следующее определение редеривации: «Образование нового слова путем воспроизведения словообразовательной модели уже реализованной в существующем слове, но затемненной в последнем фонетическими изменениями» [10]. Однако в современном русском языке при обратной деривации или редеривации создается лишь иллюзия отбрасывания деривационных «наслоений» и воссоздания производящей основы. На самом деле новообразование не имеет никакого отношения к первоначальной основе и является новым словом, образованным отсечением какого-либо аффикса, соответственно может быть десуффиксация (*подуха* ← *подушка*), депостфиксация (*содрогать* ← *содрогаться*) или депрефиксация (*разбериха* ← *неразбериха*).

Сценаристы сентябрьского ужаса потирают руки: неизбежная дипломатическая разбериха, взаимные подозрения и прямые обвинения потенциальных союзников в борьбе с мировым террористическим интернационалом им на руку (Известия, 04.10. 2011).

К способам образования неологизмов можно отнести лексикализацию аффиксов – превращение аффиксов в самостоятельные лексические единицы:

Если же говорить о недостатках, то самые типичные: наши дамы не знают золотой середины, у них либо «недо», либо «пере» (Комсомольская правда 05.09.2013)

Закключение. В словообразовании русского языка появились новые тенденции, новые способы семантической, стилистической трансформации лексики. Изменение норм русского литературного языка, его демократизация приводит к расширению числа словообразовательных моделей, реализуются потенциальные возможности языковой системы. На способах словообразования сказалось также нацеленность современной речевой практики на самовыражение личности, соответственно активизируются конструкции, способствующие усилению экспрессивности и эмоциональности речи.

Список литературы:

1. Бабенко Н.Г. Оказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ. – Калининград, 1997.

2. Добродомов И.Г. Заимствование // Лингвистический энциклопедический словарь / под общ. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – С. 158–159.
3. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. – М.: Наука, 2011. – 328 с.
4. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. – М.: Наука, 1981. – 276 с.
5. Изотов В.П., Панюшкин А.В. Неузальные способы словообразования: конспекты лекций к спецкурсу. – Орел, 1997. – 40 с.
6. Касьянова Л.Ю. Когнитивно-дискурсивные проблемы неологизации в русском языке конца XX – начала XXI века: автореф. дис. ...д-ра филол. наук. – Астрахань, 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003489414?page=1&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 10.12.2023).
7. Клюев Е.В. Риторика. Инвенция. Диспозиция. Элокуция. – М., 2001.
8. Котелова Н.З. Избранные работы. – СПб.: Нестор-История, 2015. – 275 с.
9. Котелова Н.З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Современный русский язык. Лексикология. Фразеология. Лексикография. – СПб.: СПбГУ, 2002. – С. 301–309.
10. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии, 1998 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/etymology_terms (дата обращения: 10.12.2023).
11. Кубрякова Е.С. Основы морфологического анализа. – М.: Наука, 1974.
12. Лопатин В.В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. – М.: Наука, 1973 – 152 с.
13. Лопатин В.В., И.С. Улуханов Словарь словообразовательных аффиксов русского языка. – М., 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruslang.ru/doc/lopatin-uluxanov.pdf> (дата обращения: 10.12.2023).
14. Немченко В.Н. Современный русский язык: Морфемика и словообразование. – Нижний Новгород: Издание Нижегородского госуниверситета, 2019. – 295 с.
15. Николина Н.А. Активные процессы в сфере сложения в современном русском языке, 2013[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktivnyye-protsessy-v-sfere-slozheniya-v-sovremennom-russkom-yazyke/viewer>(дата обращения: 09.12.2023).
16. Попова Т.В. Русская неология и неография. – Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2005. – 96 с.
17. Рацибурская Л.В. Неология и неография современного русского языка. М., 2011. – 168 с.

18. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. (1985) Словарь-справочник лингвистических терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/linguistic-terms/index.htm>(дата обращения: 09.12.2023).
19. Русская грамматика. – Т. 1. – М.: Наука, 1980.
20. Русская разговорная речь / отв. ред. Е.А. Земская – М.: Наука, 1973. – 485 с.
21. Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2014 – 325 с.
22. Федин С. Комбинаторная поэзия // Новое литературное обозрение. – № 57. – 2002.
23. Человеческий фактор в языке. М.: Наука, 1991. – 240 с.
24. Шахнарович А.М. К проблеме языковой способности (механизма) // Человеческий фактор в языке. – М.: Наука, 1991. – С. 185–220.
25. Янко-Триницкая Н.А. Словообразование в современном русском языке. – М., 2001.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИЧАСТИЯ В РУССКОМ И АРАБСКОМ ЯЗЫКАХ

Илаф Али Ганим

*магистрант,
кафедра русского языка,
Багдадский университет,
Ирак, г. Багдад*

Иман Уваид Мухаммед

*преподаватель,
Кафедра русского языка,
Багдадский университет,
Ирак, г. Багдад*

MORPHOLOGICAL PARTICIPLE AND PAST PARTICIPLE IN RUSSIAN AND ARABIC LANGUAGES

Elaf Ali Ganem

*Master Student,
Department of Russian language,
Baghdad University,
Iraq, Baghdad*

Iman Owaid Mohammed

*Teacher,
Department of Russian language,
Baghdad University,
Iraq, Baghdad*

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме страдательного (пассивного) и действительного (активного) причастия в русском и арабском языках в области терминологии и способов выражения в двух вышеуказанных языках и объяснению основных сходств и различий между ними. Причастие в русском языке привлекло внимание многих поколений лингвистов к решению широкого круга грамматических и семантических вопросов в русском языке. Причастие включается как часть речи. В арабском языке в статье речь шла о действительном причастии как об одной из наиболее часто употребляемых форм, и оно является одной из производных форм глагола. С учетом метафориче-

ского значения, так как причастие считается одним из важнейших производных в науке.

Морфология и грамматика. Что касается активного причастия в арабском языке, то по своей форме и смысловому значению оно не привлекло особого внимания со стороны учения морфологии, грамматики и риторики.

Abstract. The article is devoted to the subject and object nouns in the Russian and Arabic languages in the field of terminology and methods in the above two languages and explaining the main similarities and differences between them. The participle in the Russian language has attracted the attention of many generations of linguists with regard to resolving a wide range of grammar and semantic issues in the Russian language. The participle is included as part of speech. In the Arabic language, the article dealt with the participle as one of the most commonly used forms, and it is one of the derivatives. As morphology scholars have explained, derivatives mean taking a word from another word with agreement in meaning, as well as taking into account the metaphorical meaning, as the participle is considered one of the most important derivatives in the science of morphology and grammar. As for the active participle in the Arabic language, in terms of its form and connotations, it did not attract much attention from scholars of morphology, grammar, and rhetoric.

Ключевые слова: страдательное причастие; действительное причастие; словообразование; формула трёхбуквенного и нетрёхбуквенного глагола; арабский язык.

Keywords: The name of subject; the name of object; word-formation; formula three-letter non-triple action; arabic language.

Виноградов, как первый русский лингвист, который предложил классификацию способов словообразования в русском языке, выделяет в них две основные группы: морфологический и синтаксический [1, с. 2].

Несмотря на то, что словообразовательная мотивация лексических единиц русского языка уже многие десятки лет находится в фокусе внимания российских лингвистов (М.Ю. Беляева, О.И. Блинова, Н.Н. Болдырев, С.Б. Козинец, И.А. Ширшов и др.) [17, с. 654] действительное причастие имеет второе известное (имя действующего) и страдательное причастие (имя подлежащее).

Причастие как в морфологическом отношении, т.е. по характеризующим его грамматическим категориям, выраженным в строении слова, так и по синтаксическому употреблению сближается с прилагательным, вследствие чего его иногда и называют отглагольным наре-

нием [6, с. 356]. Форма действительного и страдательного залога определена многими учеными, однако автор данной статьи опишет мнения некоторых ученых с простым определением существительного субъекта и объекта. Первое: действительное причастие употребляется тогда, когда необходимо назвать действие-признак, которое активно осуществляется субъектом действия: "*мальчик, читающий книгу*"; [5, с. 144] "*мальчик, читавший книгу*"; "*мальчик, прочитавший книгу*" [6, с. 144]. Действительные причастия называют признак предмета по действию, которое производит сам предмет, например: "*инженер, сконструировавший машину*" [10, с. 257]. Второе : причастия страдательного залога – это грамматическая категория, которая выражает действие, испытываемое лицом или предметом со стороны другого лица или предмета, название которого ставится в творительном падеже, например: "*и глаза его блистали под спокойными бровями , и худые щеки поокрывались красными пятнами*" [11, с. 276].

В сопоставляемых языках причастие является частью сложной глагольной системы. Лексические и грамматические особенности причастий в русском языке имели различную характеристику у лингвистов. Существует три точки зрения по отношению причастий к определенному пласту слов [3, с. 7-8].

В русском языке существует морфологическая система в процессе речевого общения, "выбор элементов и критериев морфологическая система русского языка в речевом процессе. Общайтесь, следуя разумным физиологическим принципам. На основе когнитивных элементов и критериев правильного количества языковых единиц, выделяем прогрессивную словесную систему общение на русском языке. Первый семантический критерий, на котором мы находимся для исследования ряда фонетических вариантов звуков, выражающих основные элементы мышления, является выбор второго стандартно-морфологического критерия [16, с. 1].

Из глагольных категорий причастиям присущи категории вида, времени (настоящего и прошедшего) и залога. Вид в причастиях выражается так же, как и в личных формах; при образовании этих форм видовая основа со всеми входящими в ее состав перфективирующими и имперфективирующими аффиксами остается неизменной, ср.: разбросать – разбросавший – разбросанный; разбрасывать – разбрасывающий – разбрасывавший и т. п. [4, с. 467]. Действительные причастия настоящего времени заканчиваются –ющ , -ущ , – ащ , -ящ , например : молчать – молчащий, идти – идущий, и действительные причастия прошедшего времени заканчиваются –вш, ш, например: рассмотреть – рассмотревший , перевезти – перевёзший . Страдательные причастия

настоящего времени заканчивается –ом , –ем, –им, например: приобрести – приобретаемый, носить – носимый, и страдательные причастия прошедшего времени заканчивается –енн, –нн, –т, например: организовать – организованный, бить – битый .

По мнению В.В.Виноградова: «Полная форма причастий на –нный, –тый является очень сложным гибридным словесным образованием. Качественные значения в большей части таких причастных форм явно преобладают. Автор также указывает на факторы, препятствующие развитию качественных значений – это семантика, морфемная структура причастной формы и её синтаксические связи. «Менее насыщены качественными оттенками» причастные формы, образованные от глаголов конкретного действия, имеющие в своей морфемной структуре видовые приставки и суффиксы, и формы, реализующее глагольное управление: «Глагольность причастия напрягается, когда приходит в движение» [8, с. 35].

Действительные причастия имеют только полные формы, в то время как страдательные могут выступать и в полной форме, и в краткой. Полные причастия изменяются как прилагательные, т.е. склоняются. Действительные причастия настоящего и прошедшего времени изменяются как прилагательные с основой на шипящий с ударением на основе типа хороший [5, с. 149].

Форма страдательного причастия – краткая – изменяется как краткие прилагательные, например : читаемый, читаем, читаема, читаемо, читаемы.

Действительное причастие настоящего времени глаголы первого спряжения суф. –ющ , –ущ глаголы второго спряжения суф. –ащ , –ящ действительное причастие прошедшего времени суф. –ш после согласного суф. –вш после гласного переходных глаголов первого и второго спряжения в наст. и в прош. и от основы неопред. формы глагола, и основы прошедшего (гласный и согласный).

Признаки действительного причастия: 1 – признаки глагола: вид, время, переходность и непереходность, возвратность (частица -ся) и невозвратность, падеж, отвечает на вопросы (что делает?), (что делается?); 2 – признаки прилагательного: форма, число (един. и множ. ч), род (М. р., ж. р., с. р.), падеж, отвечает на вопросы (какой?), (какое?), (какая?), (какие?) [3, с. 5].

Форма времени настоящего времени обозначает действие одновременное с действием глагола-сказуемого, и форма причастия прошедшего времени совершенного вида обычно обозначает прошедшее действие, результат которого относится ко времени действия глагола-

сказуемого, и несовершенного вида может обозначать и действие, предшествующее действию глагола-сказуемого [10, с. 257].

Причастия изменяются по родам, числам, падежам, и обозначает признак, предмета: "В отличие от прилагательного признак, выражаемый формой причастия, непостоянный, ограниченный временем (прилагательные выражают постоянный признак предмета) (ср.: сильный человек, деревянный дом, лисий хвост и играющий ребенок (пока ребенок играет), игравший ребенок (пока ребенок играл) [9, с. 59].

Причастия вида делится на совершенного и несовершенного вида. Несовершенного вида называют действия длительные, не имеющие внутреннего предела, границы, и совершенного вида называют действия недлительные, имеющие внутренний предел, границу, например: пишущий – написавший [12, с. 383].

Только страдательные причастия могут иметь краткую форму, которая образуется от полной формы путём отсечения окончания и присоединения родового окончания в единственном числе (нулевого, а, о) и окончания -ы во множественном числе (сделан, сделана, сделано, сделаны). В древнерусском языке, наоборот, полные формы образовались от кратких [9, с. 60].

Действительные причастия, представляющие активный признак, могут быть образованы как от переходных, так и от непереходных глаголов; страдательные причастия, представляющие пассивный признак, образуются, как правило, только от переходных глаголов [13, с. 663].

Действительное причастие называется "активным", например: студент читает книгу – студент, читающий книгу, и страдательное причастие называется "пассивным", например: статья переводится студентом – статья, переводимая студентом.

В статье рассматриваются производные, которые указывают на страдательные причастия и действительные причастия. Это семантическая морфологическая тема, и в ней много весов, и перекрываются морфологически, и обзор стараний древних. Священный Коран считается первым источником грамматики и морфологии. Так как страдательные причастия, в плане формул и их коннотаций не удостоивалось особого внимания у людей морфологии, грамматики и риторики. Они не заостряли на нем внимание как на причастии, которое изучено больше, чем другие производные. Многие ученые определили действительное и страдательное причастие, первое – действительное причастие, Ибн аль-Хаджиб определил его: «Это то, что вытекает из действия того, кто это сделал в смысле возникновения». Юшманов определил его как «временное действие или состояние, проявляемое или испытываемое лицом или предметом». Второе, страдательное

причастие – Шейх Аль-Галаини определил его: «Образованное от глагола в форме страдательного залога для указания действия направленного на определяемое, с учётом повторяемости и происшествия, а не устойчивости и постоянности». Грамматика арабского языка имеет множество особенностей, направленных на сохранение «чистоты» языка и обеспечение его преемственности. Это означает, что арабская грамматика выступает надежным хранителем арабского языка. Поэтому правила этого явления были хорошо подготовлены древними арабскими грамматистами. Арабский корень может проявлять очень полезные структурированные свойства, которые облегчают понимание арабского языка и позволяют систематически формировать арабские слова [18, с. 2628].

Действительное причастие в арабском языке от основы трехбуквенного правильного, трехбуквенного подобно правильного, трехбуквенного пустого и трехбуквенного недостаточного глаголов и не трёхбуквенных глаголов, а в русском только от основы образование действительного причастия в русском языке.

Изучение арабского словообразования уходит корнями в древность. В частности, анализу словообразовательную мотивацию подвергал классический средневековый арабский языковед Ибн Фарис в своем сочинении «Maqaaiis al-lughaat» («Параметры языка») еще 12 столетий назад, обозначая ее как «определение значения производного слова значением целого, от которого оно откололось», таким образом, выделяя структурно-семантические связи мотивирующих и мотивированных слов, которые современные арабские лингвисты считают «осью всех употреблений одного корня с одним и тем же общим лексическим значением, вокруг которой все значения вращаются и к нему притягиваются» [17, с. 655].

Причастие действительного залога, или имя действующего, управляет либо как имя, либо как глагол. Если имя действующего означает качество, которое может быть отнесено к настоящему или будущему времени, то объект может быть либо в родительном, либо в винительном падеже, если имя действующего может быть отнесено к прошедшему времени либо субстантивировано, то оно управляет только родительным падежом [7, с. 449].

Грамматики по-разному определяли понятие действительного причастия и делили его на две группы. В шафиитском диване:

- Первая команда – во главе их был Сибавайх, которого называли термином (имя), и Сибавайх тоже был на этом методе.

• Вторая команда – в авангарде их Аль-фараа называли термином (глагол), а еще его называли термином (постоянный глагол), а за ним следовала таалиб.

Басрцы и куфаны различались, и басранский термин действительного причастия закрепился в учебниках по грамматике. Куфанцы были с командой, называющей действительное причастие с помощью термина (глагола). Басрцы были с командой, называющей действительное причастие с помощью термина (имя). Действительное причастие – это название Басрцы.

Причина, по которой он назван этим именем, заключается в том, что он принимает именные знаки, в том числе: ввод предложения и нунация, а также ввод (определенный артикль – *ال التعريف*) и уменьшительно-го значения.

Работа действительного причастия, при двух условиях; первое – оно должно указывать на настоящее и будущее, а не на прошлое. Второе – если оно указывает на прошедшее в смысле, то действие его глагола не действует, если только оно не опирается на: вопросительное, отрицательное, начальное или описываемое.

Образование действительного причастия от трёхбуквенного и нетрёхбуквенного глаголов.

А) Трёхбуквенные глаголы по модели (*فاعل*), например : писать – пишущий:

" Сохраняя первоначальное значение корня, этот вывод может обеспечить легкий доступ носителям арабского языка. К значению иностранного слова, взятого из арабского языка путем деривации. Деривация применяется для поиска наиболее близкого семантического значения. Его эквивалент в арабском языке с использованием системы трех согласных корней, на которой основан арабский язык, и затем оно образуется из известной арабской морфологической группы – единой группы арабского происхождения " [19, с. 177].

Б) Нетрёхбуквенные глагола :

Причастие действительного залога нетрёхбуквенного глагола образуется от ее формы настоящего-будущего времени. Для этого достаточно поменять букву настоящего времени на букву «ميم» (ميم), огласованную даммой, и огласовать предпоследнюю букву кясрой, например : араб. (ارسل), рус. (отправлять) – араб. (مُرسل), рус. (отправляющий).

В составе действительного причастия в русском языке существует настоящее и прошедшее времена, а в арабском нет, а указание на время при помощи наречия времени например: завтра غدا, глагол связка например: был كان (указать на прошедшее время), частица например: سوف указать на будущее время [3, с. 7].

Первое, причастие вместе с последующими словами образует именное предложение, служащее сказуемым по отношению к предшествующему имени, являющемуся подлежащим, например: араб. زَيْدٌ ضَارِبٌ ابْنُهُ عَمْرًا, рус. Зейд – его сын есть бьющий Амра, второе, причастие с последующими словами может быть определением к предшествующими имени, например: араб. مَرَزْتُ بِفَارِسٍ طَالِبٍ ثَأْرَ أَبِيهِ, рус. Я прошёл мимо всадника, добывавшего мести за своего отца, третье, может значать обстоятельства образа действия к этому имени, например: جَاءَ عَمْرُو طَالِبٍ عِلْمًا, пришел Амр, добываясь знаний [7, с. 449].

Страдательное причастие указывается на действие двух случаях, первое – форма, строение и действие, второе – время. Страдательное причастие является производным, если выполняются следующие условия:

А) Быть описанием;

Б) Быть взятым из пассивного глагола, т.е. отличаться от действительного причастия;

В) Должно быть указано лицо или предметы, на которые падает действие.

Надо отметить, что страдательное причастие на арабском языке не образуется лишь от одной формы. Итак, при проливании света на итоги исследований арабских лингвистов, мы находим, что они согласны по мнению, представляющемуся в том, что страдательное причастие в арабском языке образовано из двух форм:

1. Образование страдательного причастия от трёхбуквенного глагола по модели – مفعول – и оно образуется от правильного глагола без изменения например : { غير المَغضوب عليهم } причастие страдательного залога, араб. (المَغضوب), рус. (те, кто заслужил (Твой) гнев). А образование его от переходного глагола, который содержит в себе одну из следующих букв : (алаф – вав – йаа) существует в этой связи три вида такого глагола : (слабый пустой, слабый подобноправильный, слабый недостаточный)

2. Образование страдательного причастия от трёхбуквенного глагола. В этом случае оно образуется по модели глагола в настоящем времени с заменой первой буквы формы настоящего времени буквой – мим – над которой ставится – фатха – например : араб. (محترم) , рус. (респектабельный) .

Причастие страдательного залога, как и другие отглагольные имена, может управлять как имя и как глагол. Особенности причастия страдательного залога зависят от характера глагола страдательного залога. Страдательный залог в арабском языке употребляется лишь тогда, когда фактический производитель действия не выражен в пред-

ложении, а выражен лишь восприниматель действия в виде грамматического подлежащего [7, с. 450].

Заключение

В данной статье предпринята попытка представить исследование морфологических характеристик действительного и страдательного причастия в русском и арабском языках. Автором сопоставлены труды ученых и на русском, и на арабском языках. В русском языке, конечно же, представлена форма, используемая в основном в книжной речи, но, тем не менее, необходимая для более полного понимания тонкостей русского языка иностранными слушателями. В русском языке действительное причастие стоит в прошедшем и настоящем, но страдательное причастие также стоит в обоих падежах, настоящем и прошедшем, и не происходит от будущего. В арабском языке мы знали, что действительное причастие стоит как в трёхбуквенном, так и в не трёхбуквенном, а причастие- существительное также в троичном и нетроичном падежах.

Список литературы:

1. Аль Шаммари М. Дж. Способы словообразования в русском и арабском языках [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/331843062_Sposoby_slovoobrazovaniia_v_russkom_i_arabskom_azykah_Sopostavitelnyj_analiz_Al_Sammari_Madzida_Dzamil_Asur_kandidat_filologiceskih_nauk_starsij_prepodavatel_fakulteta_azykov_Bagdads_kij_universitet_kafe (дата обращения: 09.12.2023).
2. Аль Шаммари М. Дж. Страдательное причастие в русском и арабском языках. – 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/331843091_pricastie_v_russkom_i_arabskom_azykah (дата обращения: 25.11.2023).
3. Аль Шаммари М. Дж., Аль Малики И.У. Причастие действительного залога в русском и арабском языках. – 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/331843091_pricastie_v_russkom_i_arabskom_azykah (дата обращения: 29.11.2023).
4. Богданов С.И., Евтюхин В.Б., Князев Ю.П. Морфология современного русского языка : учеб. для высших учебных заведений Российской Федерации. – СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – 634 с.
5. Величко А.В. Книга о грамматике. Для преподавателей русского языка как иностранного. – СПб. : Златоуст, 2018. – 752 с.
6. Виноградов В.В. Вопросы современного русского словообразования в свете трудов. – М.: Издательство Московского университета, 1952.
7. Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. – М.: Издательская фирма "Восточная литература" РАН, 2001.

8. Замятина И.В. Грамматика русского причастия: дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. [Место защиты: Моск. гос. обл. ун-т]. – Москва, **2010**. – 429 с.
9. Карпов А.К. Морфология современного русского языка: учеб. пособие. – 3-е изд., испр. и доп. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2019. – 202 с.
10. Лекант П.А., Гольцова Н.Г., Жуков В.П. Современный русский литературный язык. – 5-е изд. – М.: Высш.шк., 2001. – 462 с.
11. Лермонтов М.Ю.(1990). Сочинения – М. : Правда, 1990. – Т. 1. – 1988. – 719 с. : ил. Т. 2. – 1990. – 704 с.
12. Стариченок В.Д., Балаш Т.В., Горбацевич О.Е. Современный русский литературный язык. – Минск: Вышэйшая школа, 2011. – 596 с.
13. Шведова Н.Ю., Арутюнова Н.Д., Бондарко А.В., Иванов Вал. Вас., Лопатин В.В., Улуханов И.С., Филлин Ф.П. Русская Грамматика. – М.: Изд-во «Наука» 1980.
14. Юшманов Н.В. Грамматика литературного арабского языка . – Санкт-Петербург: Юридический центр пресс, 1999.
15. Alaa Tarif Gharaibeh. Passive Participle Formula and its Semantic in the Holy Quran, Department of Arabic Language. – Language Center: University of Islamic Sciences, Amman, Jordan. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bfdajournals.ekb.eg/article_218374.html?lang=en (дата обращения: 10.12.2023).
16. Al-Foadi R.A. Cognitive Elements and Criteria of the Progressive Inflectional System in Modern Russian Language // The Process Of Verbal Communication (Cognitive Word-Formation Analysis of the Word Structure). Modern Journal of Language Teaching Methods. 2018. Vol. 8(6). P. 104-109.
17. Al-Foadi R.A. Zarytovskaya V.N., Al-Roznamachi R.H. Motivation of Word Formation in Russian and Arabic Languages and its Role in Achieving Translation Equivalence // RUDN Journal of Language Studies Semiotics and Semantics. 2021. Vol. 12(3). P. 652–668.
18. Al-Foadi R.A., Subich V.G. The Arabic Root and the Peculiarities of Its Language Categorization (Structure and Inflection) // International Journal of Criminology and Sociology. 2020. Vol. 9. P. 2628–2637.
19. Al-foadi R.A. Derivation as the Main way of Adapting New Terms to Arabic // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2018. Vol. 8(3). P. 194-199.
20. Dr. Abdul Majeed Al-Jili Ibrahim. The subject's name: an applied morphological study on the Qur'an // The Scientific Journal of Imam Al-Mahdi University. – Issue 1(1) June 2018.
21. Saif al-Din Taha al-Fuqara. Derivatives that indicate effectiveness and effectivity “Statistical morphological study”. – Jordan University, 2002.
22. Sultana Sabai. The noun of the subject and the noun of the object in the Qur'an. – Sebha University: College of Literature, 2019–2020.

2.3. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ И ВИДОВ ОМОНИМОВ В РУССКОМ И АРАБСКОМ ЯЗЫКАХ

Аль Мугаммай Аззам Ахмад

преподаватель

кафедры русского языка и литературы,

Багдадский университет,

Республика Ирак, г. Багдад

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CONCEPT AND TYPES OF HOMONYMS IN RUSSIAN AND ARABIC

Al Mugammai Azzam Ahmad

Lecturer,

Department of Russian Language

and Literature, University of Baghdad,

Republic of Iraq, Baghdad

Аннотация. Данная статья представляет собой сопоставительный анализ понятия и видов омонимов в русском и арабском языках. Омони́мы – это лексические единицы, имеющие одинаковое звучание, но различное значение. Изучение омонимии в различных языках может помочь раскрыть особенности семантической структуры и синтаксических правил каждого языка.

В статье рассматриваются основные аспекты омонимии в русском и арабском языках, а также проводится сравнительный анализ видов омонимов, которые существуют в обоих языках. Исследование включает в себя анализ семантических значений омонимов, их использование в контексте и возможные различия в синтаксических особенностях, которые могут влиять на их толкование и восприятие носителями этих языков.

Целью статьи является выявление сходств и различий между омонимами в русском и арабском языках, а также понимание влияния языковых особенностей на возникновение и функционирование омо-

нимических явлений в обоих языках. Результаты исследования могут быть полезны для лингвистических исследователей, преподавателей и студентов, интересующихся семантическими и синтаксическими аспектами различных языковых систем.

Abstract. This article is a comparative analysis of the concept and types of homonyms in Russian and Arabic. Homonyms are lexical units that have the same sound but different meanings. The study of homonymy in different languages can help reveal the features of the semantic structure and syntactic rules of each language. The article discusses the main aspects of homonymy in Russian and Arabic, as well as a comparative analysis of the types of homonyms that exist in both languages. The study includes an analysis of the semantic meanings of homonyms, their use in context, and possible differences in syntactic features that may affect their interpretation and perception by native speakers of these languages. The purpose of the article is to identify similarities and differences between homonyms in Russian and Arabic, as well as understanding the influence of linguistic features on the emergence and functioning of homonymous phenomena in both languages. The results of the study may be useful for linguistic researchers, teachers and students interested in the semantic and syntactic aspects of various language systems.

Ключевые слова: омонимы; виды омонимов; возникновение омонимов; омоформы; омографы; омофоны.

Keywords: homonyms; types of homonyms; occurrence of homonyms; homoforms, homographs; homophones.

Ведение

Омонимия – одно из захватывающих исследовательских явлений в лингвистике, которое привлекает внимание ученых уже на протяжении многих лет. Исследование омонимов в русском и арабском языках представляет собой важную и актуальную задачу сравнительной лингвистики. Омонимы – это слова, имеющие одинаковое звучание, но различающиеся по значению. Они представляют интерес для лингвистов, так как являются источником множества семантических и синтаксических амбивалентностей, которые могут влиять на языковую коммуникацию и понимание текстов.

Цель данной статьи состоит в проведении сопоставительного анализа понятия и видов омонимов в русском и арабском языках. Русский и арабский языки представляют различные лингвистические традиции и культурные контексты, что делает этот сравнительный аспект

особенно интересным. Наша работа направлена на выявление сходств и различий между омонимами в обоих языках, а также на изучение факторов, влияющих на их возникновение и употребление в речи.

В лингвистике омоним – это одна из групп слов, которые одинаково произносятся или пишутся, но имеют разные значения. Подходы к описанию и классификации неоднородны. Одни источники требуют, чтобы омонимы имели идентичное написание или произношение (в дополнение к разным значениям), в большинстве же других источников омографы и омофоны соответственно различаются.

Термин «омоним» неоднозначен, потому что существует несколько способов, которыми два значения могут иметь одно и то же наименование, и потому что этот термин по-разному используется образованными говорящими, и эти варианты значений фиксируются словарями.

Самым ранним определением омонимии является следующее, данное Шарлем Балли: «Омоним – это «два знака, имеющие тождественные означающие и различные означаемые» [4, с. 189] .

Определение схожего характера можно найти у Л. Блумфилда: «Различные лингвистические формы, которые имеют одинаковую фонетическую форму (и, таким образом, отличаются только по значению), называются омонимами» [5, с. 145].

Л.В. Малаховский согласен с этим определением, но указывает, что «оно охватывает признаки на всех уровнях языка в наиболее общем виде и является наиболее простым, поскольку существуют также неидентифицированные признаки на уровне выражения и содержания, связанные с производством омонимов» [9, с. 31–32].

Ф. Крамер определяет омонимы следующим образом: «Такие слова, которые имеют одинаковую (визуальную или звуковую) форму, но имеют более одного значения, называются омонимами» [6, с. 361], т.е. омонимы – это не разные значения одного и того же слова; это разные слова с разным значением.

Учёные пришли к выводу, что при определении омонимов необходимо учитывать как звучание, так и рисунок слова. Омоним – «это слово, которое имеет одинаковое звучание и написание или хотя бы одно из них, но разное значение» [3, с. 166].

Л.В. Малаховский утверждал: «Подробное изучение признаков и характеристик омонимов (на лексическом уровне) показало, что они тождественны хотя бы в одном компоненте плана представления, т.е. сходны по звучанию и / или написанию во всех или некоторых грамматических формах (и во всех или некоторых фонетических и графических изменениях), но не в плане содержания». Они определяются

как «слова одного языка, тождественные хотя бы в одном компоненте, т.е. различные по лексической и / или грамматической семантике» [9, с. 56].

По нашей дефиниции: «Омонимы – это слова, имеющие одинаковое звучание или написание, но различающиеся по смыслу. Они могут относиться к разным частям речи или иметь разную грамматическую форму. Например: "банк" (здание для хранения денег) и "банк" (единица измерения информации). Омонимия – это явление в лингвистике, при котором одно и то же слово или форма слова имеют несколько различных лексических значений или относятся к различным частям речи. Например: слово "лук" может быть как существительным (оружие для стрельбы из лука) так и существительным (растение, овощ). Омонимы могут создавать смешение в понимании текстов, особенно в случае, если контекст неясен или неоднозначен. Понимание значения омонимов часто зависит от контекста, в котором они используются.

В русском языке существуют разные классификации и типы омонимов, основанные на различиях в написании, звучании, происхождении и в лексическом значении. Давайте рассмотрим каждый аспект подробнее, с конкретными примерами.

Омонимы могут быть классифицированы по различным критериям, включая произношение, написание, грамматическую форму и семантическое значение. Вот некоторые из основных классификаций омонимов:

1. По произношению (гомофоны). Гомофоны – это омонимы, которые имеют одинаковое произношение, но различную письменную форму и значение, например: кон (животное) и кун (пренебрежительное обращение к женщине), сова (птица) и сова (личное местоимение "она" в некоторых диалектах)

2. По написанию (гомографы). Гомографы – это омонимы, которые имеют одинаковую письменную форму, но различные значения и произношение, например: бар (место для продажи алкогольных напитков) и бар (палка для поддержки чего-либо), печь (готовить пищу) и печь (каменный или металлический прибор для обогрева помещения).

3. По произношению и написанию (полные омонимы): это омонимы, которые имеют как одинаковое произношение, так и одинаковую письменную форму, например: мука (произведение измельченной пшеницы) и мука (состояние душевной боли), скат (рыба) и скат (падать, сползать), класс (группа учащихся) и класс (уровень, категория).

4. Частичные омонимы. Частичные омонимы – это омонимы, которые имеют частичное сходство в произношении или письменной

форме, например: озеро (водоем) и озерцо (маленькое озеро), яблоко (фрукт) и яблоня (дерево, на котором растет яблоко)

5. По частям речи: омонимы, которые могут быть как существительными, так и глаголами, прилагательными и т.д. Примеры: "братъ" (глагол – действие взять) и "братъ" (существительное – мужчина родственника).

6. По количеству значений: однозначные омонимы – имеют только одно значение, многозначные омонимы – имеют несколько значений. Пример: "стекло" (1. материал для окон; 2. поверхность для рисования).

7. По области значения: омонимы, у которых значения связаны с одной и той же областью или тематикой. Например, омонимы в области растений: "лист" (часть растения) и "лист" (информационный документ).

8. По грамматической форме: омонимы, которые имеют различные грамматические формы одного слова. Пример: "пойду" (глагол в будущем времени) и "пошёл" (глагол в прошедшем времени).

Классификация омонимов позволяет систематизировать их разнообразие и понять, как языковые системы обрабатывают и организуют лексические значения.

Характеристики и особенности омонимов в русском языке включают следующие аспекты:

- Звуковая сходство: омонимы имеют одинаковую или очень схожую звуковую форму, что может приводить к смешению их в устной речи и затруднению понимания без контекста, например: мука (как продукт мукомольной промышленности) "Купите муку для выпечки" – здесь "мука" – это продукт, который используется при выпечке и «мука» (как состояние душевного страдания) "Она испытывала муки совести" – здесь "муки" – это состояние душевного страдания.

- Разные значения: омонимы обладают различными семантическими значениями. Это означает, что одно и то же слово может обозначать разные предметы, явления или действия в разных контекстах, например: рука (часть тела) – "Она протянула руку" – здесь "рука" означает физическую часть тела, и рука (помощь, поддержка) – "Он оказал мне руку" – здесь "рука" означает помощь или поддержку.

- -Разные части речи. Омонимы могут принадлежать к разным частям речи. Например, слово "лук" может быть существительным (репчатый лук) или глаголом (натираю луком). Путь: Существительное: "Мы нашли короткий путь к озеру." Здесь "путь" означает дорогу или маршрут. Глагол: "Он путает карты, не знает, куда идти." Здесь

"путает" является формой глагола "путать", что означает смущаться, запутываться.

- Полярность значения. Некоторые омонимы имеют противоположные значения. Например, слово "быстро" может означать как быстро выполненное действие ("он быстро бежал"), так и быстрое движение ("поток течет быстро").

- Однокоренные и разнокоренные омонимы. Однокоренные омонимы имеют общий корень, но разные значения, например, слова "рука" (часть тела) и "рукопись" (письменный текст) являются однокоренными омонимами. Разнокоренные омонимы не имеют общего корня и могут быть случайным совпадением в звуковой форме.

- Семантическая неоднозначность. Омонимы могут создавать семантическую неоднозначность в тексте, что требует использования контекста для определения их конкретного значения, например лук: "Я добавил лук в салат." Здесь "лук" означает овощ, луковичу и "Охотник луком натянул тетиву." Здесь "луком" означает действие, а именно использование лука как оружия.

- Омонимия и полисемия. Отдельные омонимы могут сосуществовать с полисемическими словами, т.е. словами с несколькими связанными значениями. Это добавляет сложности в их различение и интерпретацию, например: свет – омоним (существительное): "Он включил свет". Здесь "свет" означает источник освещения. Полисемия (существительное): "Свет погас в его глазах". Здесь "свет" относится к метафорическому значению "жизненной искры" или "зрения".

Изучение омонимов в русском языке имеет важное значение для лингвистического анализа и понимания особенностей семантики и синтаксиса русского языка, а также для совершенствования коммуникации и переводческой практики.

Омонимы в арабском языке

Среди арабских лингвистов нет единого мнения, и этот вопрос считается спорным. С одной стороны, некоторые лингвисты, такие как Ибн Дурстойя, ابن دُرستويّة, отрицают существование этого явления, поскольку они утверждают, что только одно из его значений является реальным (физическим), а остальные являются метафорическими. Например, слово وجد имеет несколько значений, таких как *найти, разозлить, любить* и т.д. Учёный утверждает: «... можно подумать, что это слово имеет несколько значений», но на самом деле «все эти значения относятся к одному» [2, с. 15].

С другой стороны, другие лингвисты, такие как аль-Халиль бин Ахмед الخليل بن أحمد, Сибавайхи سيبويه и Абу Зейд ابو زيد, согласны с существованием омонимов в арабском языке.

История этого вопроса показывает, что интерес арабов к омонимии был непоследовательным: поэтические тексты VI века по хиджре полны омонимов, но в VII веке использование омонимов пошло на спад. Позже омонимия вновь приобрела значение, как стилистическое средство, так и семантические различия, появились различные школы и научные подходы, были написаны работы и трактаты по омонимии, стремительно увеличилось разнообразие видов омонимии.

Арабский термин «омоним» – (المشترك اللفضي), что означает:

- 1) похожий, одинаковый, однородный,
- 2) быть созвучным, гармонировать;
- 3) использование выражения с двумя значениями [10, с. 109].

Многие арабские лингвисты, такие как аль-Салих, Мансур и аль-Хули определяют омонимы так: «Это слово или предложение, имеющее одну артикуляцию (или форму) и более одного значения. Например, слово سن имеет одну артикуляцию, означает ли это *возраст* или *зуб*; и دقيق, что означает *муку*, ли *точный*» [1, с. 188].

Использование этих слов в тексте Священного Корана придаёт аятам уникальное и единое звучание и оказывает особый стилистический эффект, способствуя более глубокому и осмысленному восприятию этой священной книги.

В этой статье мы рассмотрим использование двух основных типов омонимов.

1) Омонимы – два слова, сходные по произношению с разницей в значении.

1. Омонимы в арабском языке имеют много видов, каждый из которых рассматривается в соответствии с их графическим изображением и типами соответственно; омонимы делятся на две основные группы, а именно, полные и неполные омонимы [11, с. 388].

В арабском языке омонимы делятся на два типа в зависимости от их полного или частичного сходства.

1. Полные омонимы: это то, в чём сходятся два однородных слова по типу и количеству букв, их расположению. Полные омонимы делятся на два типа с семантикой:

а) Похожий, подобный: данный омоним «характеризуется полным сходством в количестве букв, месте артикуляции, порядке расположения диакритических знаков двух слов, но разными лексическими значениями» [12, с. 297].

То есть это омонимы, которые сходны по букве, числу, постпозиции и произношению, и все они относятся к одной и той же части речи (имя, глагол, предлог). Ниже приведены примеры омонимов-существительных.

Например:

وَيَوْمَ تَقُومُ السَّاعَةُ يُقْسِمُ الْمُجْرِمُونَ مَا لَبِئُوا غَيْرَ سَاعَةٍ كَذَلِكَ كَانُوا يُؤْفَكُونَ [القران الكريم،
سورة الروم - الآية 55-]

В тот день, когда наступит час, грешники станут клясться, что они пробыли на земле или в могилах всего лишь один час. Таким же образом они были отвращены от истины! [8, Сура. Румы, 30: 55]

В данном случае омонимами являются [час لساعة-]. Первый означает «Судный день», а второй – «время».

И также слово (сезоны – فصول) – которое имеет значения: главы книги; времена года; семестры в школе; акты пьесы и т.д. Другим примером является слово عين, которое имеет значения: отверстие в игле; глаз человека, источник; шпион и т.д.

б) Полный, неподобный .

- ارع الجار ولو جار

• Береги соседа, даже если он чинит несправедливость. – Это предложение содержит два разных типа слова. Первое слово (جار) сосед – это существительное, оно означает человека, который живёт рядом с вашим домом, а второе слово (جار). – это глагол в прошедшем времени с семантикой нарушения предела или несправедливости.

• إِذَا أَذْهَبَ كُلُّ إِلَهٍ بِمَا خَلَقَ وَلَعَلَّ بَعْضُهُمْ عَلَى بَعْضٍ [القران الكريم، سورة المؤمنون
الآية 91]

Полный, несхожий: *В противном случае каждый бог унёс бы с собой то, что сотворил, и одни из них возвысились бы над другими.* [8, Сура. Верующие, 23: 91]. Это предложение содержит два разных типа слова: первое слово (علا) – глагол, слово означает: человек возвысился бы над другим, а второе слово (على). – это предлог предложного падежа:

- ما مات من كرم الزمان فإنه يحيا لدى يحيى بن عبد الله

• *То, что умирает от щедрости времени, живёт с Яхьей бин Абдуллой.*

Это предложение содержит два разных типа слова (полный, несхожий), первое слово (يحيى). живёт – это глагол и означает существовать, быть живым, а второе воолс (يحيى)– имя человека:

-الوقت من ذهب وقد ذهب

• *Время дороже золота и ушло* – это полные, несхожие омонимы, поскольку они содержат два разных типа слова, первое слово (ذهب) золото – это существительное и имеет оно значение: драгоценный ме-

талл, а второе слово (ذهب) – это прошедшее время с семантикой *покинуть какое-либо место*.

в) Составные омонимы: специфика этого типа омонимов заключается в том, что одна из двух его частей представляет собой одно слово, а другая часть из двух слов, или оба они являются составными, например :

إذا ملك لم يكن ذا هبة فدعة فدولته ذاهية

Если король не даёт подарки. Оставь его, его власть кончилась.

Составные омонимы состоят из двух частей – первая часть является составной (ذاهية), а вторая – простой (هبة).

д) Перевернутые омонимы – это омонимы, произношение которых отличается только расположением букв, т.е. порядок букв полностью перевернут, например:

ساقٍ يُريني قَلْبُهُ قَسْوَةٌ وَكُلَّ ساقٍ قَلْبُهُ قاسِي

Виночерпий показывает мне, что его сердце твёрдое, и каждый виночерпий, его сердце твёрдое.

[وَرَيْكَ فَكَبِّرْ] القرآن الكريم، سورة المدثر -الآية3]

Господа своего величай! [8, Сура. Завернувшийся, 74: 3]

2. Неполные омонимы (الجناس الغير تام) – это омонимы, в которых два слова различаются по типу, количеству, форме или расположению букв с разницей в значении.

Например:

فَأَمَّا الْيَتِيمَ فَلَا تَقْهَرْ (10) وَأَمَّا السَّائِلَ فَلَا تَنْهَرْ. [القران الكريم، سورة الضحى -الآية9-10]

9. *А потому ты сироту не притесняй. 10. Просящего, (не выслушав), не отгоняй* [8, Сура. Утро, 93: 9 – 10]. Неполными омонимы считаются из-за разницы второй буквы первого слова (ق) было (ق) (تَقَهَّرَ) было (ق) (ن) , а во втором слове было (ن) , и значение угнетения несправедливость с презрением, а значение глагола (рухнуть), т.е., это упрекает человека и злит его.

- دوام الحال من المحال

- постоянство невозможно.

Неполные омонимы различаются количеством букв второго слова (المحال), т.е. второе состоит из более, чем одной буквы, что(م) больше, чем в первом слове (-حال)

-و التفت الساق بالساق (29) إلى ربك يومئذ المساق-(30) [القران الكريم، القيامة -الآية

[30-29]

• 29. *И тут одна его голень примкнёт к другой голени. 30. И лишь к Владыке твоему. В тот День – пригон.* [8, Сура. Воскресение, 75: 29 – 30]. Неполные омонимы из-за разницы в количестве букв второго слова (المساق) состоят из более чем одной буквы, что(م) больше, чем в первом(-ساق).

وَتِلْكَ لِكُلِّ هُمْزَةٍ لَمْزَةٌ [القران الكريم، الهمزة - الآية 1]

- *Горе всякому хулителю и обидчику.* [8, Сура. Хулитель, 104: 1]

Это неполные омонимы из-за разницы букв первого слова по сравнению со вторым: в первом слове (ه), а в втором (ل).

Характеристики и особенности омонимов в арабском языке аналогичны тем, что существуют в русском и других языках:

- Звуковое сходство: омонимы в арабском языке имеют одинаковую или очень похожую звуковую форму, что может привести к недопониманию и неоднозначности без контекста.

- Различные значения: омонимы в арабском языке имеют различные семантические значения. Одно и то же слово может обозначать различные предметы, понятия или действия в разных контекстах. Пример *حَمَّام* (hammam): *أَخَذْتُ حَمَّامًا دَافِئًا* я принял теплую ванну (существительное – "ванна"). *الْحَمَّامُ يَطْرُدُ الطُّيُورَ* голубь прогоняет птиц (глагол – "прогонять").

- Разные части речи: Омонимы могут принадлежать к разным частям речи, как в русском языке, например, "берег" – существительное, обозначающее край водоема; и "берег" – глагол в повелительном наклонении от глагола "беречь".

- Культурные особенности. Некоторые омонимы могут быть связаны с культурными особенностями и традициями арабского общества, что отражается в их значениях и употреблении.

- Контекстуальное определение. Как и в других языках, понимание омонимов в арабском языке зависит от контекста, в котором они используются. Контекст помогает определить точное значение слова и избежать недопонимания, например *حُمِّي* (hamma): *هُوَ مُصَابٌ بِحُمِّي* Он больной с температурой (существительное – "температура" من *أحمتي الأمة* Он защитил нацию от врагов (глагол – "защитил").

- Игра слов и стилизовое оформление: омонимы могут использоваться в арабской литературе, поэзии и риторике для создания игры слов и стилизованного оформления, например *مَدَدْتُ يَدِي لِلْمَدَدِ* Я протянул руку мою, чтобы помочь и чтобы просить помощи. Здесь используется слово "مَدَد" (maddad) в двух различных значениях, что создает звуковое и семантическое взаимодействие. Оно означает "помощь и поддержку" в первом контексте и "обращение с просьбой о помощи" во втором контексте.

- Диалектные варианты. В различных диалектах арабского языка могут существовать разные омонимы с различными значениями, что добавляет сложности в их понимание и интерпретацию, например *جَوْز* (jawz): В стандартном арабском: "جَوْز" (jawz) – орех (существительное)

тельное). В египетском диалекте: "جَوْز" (jawz) – муж, супруг (существительное).

Общие черты омонимов в русском и арабском языках включают следующие характеристики:

- Звуковое сходство: омонимы в обоих языках имеют одинаковую или очень похожую звуковую форму, что может привести к смешению их в устной речи и созданию неоднозначности, например, арабский: حَمَّام (hammam) – ванна (существительное) и حَمَّامَة (hammama) – принимать ванну (глагол), русский: лук (овощ) и лук (оружие).

- Разные значения: омонимы обладают различными семантическими значениями. Это означает, что одно и то же слово может обозначать разные предметы, явления или действия в разных контекстах, например, русский: стекло (прозрачный материал), стекло (питьевой сосуд). Арабский: رأس (голова), رأس (начало).

- Разные части речи: омонимы могут принадлежать к разным частям речи. Например, слово "банк" может быть существительным (место для хранения денег) или глаголом (края реки), например, русский: стол (мебельный предмет), стол (поверхность). Арабский: سماء (небо), سماء (небосвод).

- Важность контекста. Понимание омонимов в обоих языках зависит от контекста, в котором они используются. Контекст помогает определить точное значение слова и избежать недопонимания, например, русский: кран (существительное) – механизм для подачи воды или грузов, или ограничительный клапан: "Я повернул кран, чтобы вода начала течь". Здесь "кран" является механизмом для подачи воды. "Кран на цистерне был поврежден, и груз начал вытекать". Здесь "кран" означает ограничительный клапан.. Арабский: عَيْن (ain) (существительное): "أَحَبُّ لَوْنِ عَيْنَيْكَ" – Здесь "عَيْنَيْكَ" означает "твои глаза". (ain) (источник): "سَوَّفَ أَذْهَبُ إِلَى عَيْنِ الْمَاءِ" – Здесь "عَيْنِ" означает "источник" или "источник воды".

- Игра слов и стилевое оформление. Омонимы могут использоваться для создания игры слов, стилистических приемов и риторических эффектов в обоих языках, например, русский: голос (звук, который издает человек), голос (мнение). Арабский: قلب (сердце), قلب (центр).

- Культурные особенности. Некоторые омонимы могут быть связаны с культурными особенностями и традициями в обоих языках, что отражается в их значениях и употреблении. Например, русский: душа (духовная часть человека), душа (потерянное или скончавшееся животное). Арабский: روح (душа), روح (дух, настроение).

- Смещение омонимов и полисемии. В речи могут сосуществовать омонимы и полисемические слова, что добавляет сложности в их различение и интерпретацию. Например, русский: книга (собрание текстов), книга (место для записей). Арабский: طبيب (врач), طبيب (цветок)

- Значимость в лингвистике. Изучение омонимов имеет важное значение для лингвистического анализа и понимания особенностей семантики и синтаксиса языков, а также для улучшения коммуникации и переводческой практики. "Лук" – овощ, который используется в кулинарии для приготовления различных блюд. Например, русский "Лук" – оружие для стрельбы из лука и стрел. Арабский "كتاب" – книга, печатное издание. и "كتاب" – письмо или документ.

Эти общие черты позволяют сравнивать омонимы в разных языках и лучше понимать их функционирование и роль в процессе коммуникации.

Различия в употреблении и смысловых оттенках омонимов могут быть обусловлены разными лингвистическими и культурными особенностями русского и арабского языков. Вот некоторые примеры различий:

1. Культурные особенности. Омонимы могут иметь разные значения в связи с культурными особенностями и традициями каждого языка. Например, русский: слово "борщ" (borsch) – традиционное украинское блюдо из свеклы, капусты и других овощей. Арабский: слово "بورش" (borsch) – транскрипция английского слова "borsch" (суп из свеклы).

2. Семантические оттенки. Омонимы в разных языках могут обладать различными семантическими оттенками. Например русский: слово "гора" – высокое натуральное образование в виде поднятой относительно окружающей местности массы земли или камней. Арабский: слово "جبل" (jabal) – также означает "гора" в физическом смысле, но также может использоваться в переносном значении "выдающийся человек".

3. Лексические различия. Омонимы в одном языке могут иметь лексические эквиваленты в другом языке с другими значениями или чуть иными формами. Например, русский: слово "банк" – место, где хранятся деньги и выполняются финансовые операции.

4. Арабский: слово "بنك" (bank) – точно также означает место, где хранятся деньги и проводятся финансовые операции.

5. Контекстуальное значение. Контекст играет важную роль в понимании омонимов. В разных языках, в зависимости от контекста, омонимы могут использоваться с разными значениями и употребляться в различных ситуациях.

6. Различия в фразеологии. Омонимы могут употребляться в фразеологических оборотах, которые могут отличаться в разных языках. Это может повлиять на их смысловые оттенки и использование в разговорной речи. Например, русский: выражение "сесть на две стулья" – значит оказаться в затруднительном положении, стоять перед выбором между двумя вариантами. Арабский: фразеологизм "الجلوس على كرسيين" (al-julus 'ala kursayayn) – также означает столкновение с трудным выбором между двумя вариантами.

7. Грамматические особенности. Омонимы могут иметь различные формы в разных языках, что влияет на их грамматические особенности и семантику. Например, русский: слово "лук" – является существительным и обозначает овощ. Арабский: слово "قوس" (qus) – также существительное, но означает "дугу", как структуру или форму.

Важно помнить, что омонимы в разных языках могут быть разнообразными и часто имеют свои уникальные смысловые оттенки и контекстуальные значения.

Сопоставительный анализ понятия и видов омонимов в русском и арабском языках позволяет выделить следующие основные результаты и выводы:

1. Сходство в семантике. В обоих языках существуют омонимы, которые звучат одинаково или очень похоже, но имеют различные значения. Это может приводить к неоднозначности при понимании и толковании текстов. Например: русский: бар – заведение, где подают алкогольные напитки / бар – металлическая перекладина для поднятия тяжестей. Арабский: كلمة – слово / كلمة – обещание.

2. Различия в словообразовании: В русском языке омонимы могут образовываться за счет одинакового звучания слов разных частей речи (например, "банк" – здание и "банк" – учреждение). В арабском языке часто омонимы образуются за счет одинаковой корневой основы слов. Например, русский: лук – овощ / лук – оружие для стрельбы. Арабский: مَدْرَسَة – школа / مَدْرَسَة – учительница.

3. Влияние контекста. Контекст играет важную роль в понимании омонимов. В обоих языках контекст может помочь определить правильное значение слова и избежать недопонимания. Например, русский: «Замок на двери никто не открывал уже долгое время. Замок был старый и запущенный». Арабский: القفلُ عَليّ البابِ كانَ قَدِيمًا و معطلاً

4. Культурные оттенки. Некоторые омонимы имеют культурные ассоциации, что может быть непонятно или непривычно для носителей других языков и культур. Это подчеркивает важность учета культурных контекстов в межкультурной коммуникации. Например, русский:

кошка – домашнее животное, символ женской хитрости и загадочности. Арабский: قَطَاة – домашнее животное, символ женской хитрости и загадочности.

5. Творчество и языковая выразительность. Омонимы могут быть использованы для создания красивых образов и игр слов в языке и литературе. Они обогащают языковые возможности и гибкость коммуникации. Например, русский: «Он открыл дверь, и в дом ворвалась река холодного воздуха, как будто зима зашла в гости». Арабский: فَتَحَ البابَ فَأَنْدَفَعَتْ نَهْرٌ مِنْ الهَوَاءِ البَارِدِ إِلَى البَيْتِ، كَمَا لَوْ دَخَلَ الشِّتَاءُ لِلزِّيَارَةِ

6. Затруднения в переводе. В переводе текстов между русским и арабским языками омонимы могут представлять сложности, особенно если контекст неоднозначен. Правильный выбор перевода омонима зависит от понимания смысловой нагрузки и контекста. Например, русский: «Она села на лавку и принялась плакать». Арабский: جَلَسَتْ عَلَى اللِّكِيَّةِ وَابْتَدَتْ تَبْكِي.

В итоге, сопоставительный анализ понятия и видов омонимов в русском и арабском языках показывает, что омонимия является распространенным языковым явлением в обоих языках. Правильное понимание омонимов важно для успешной межкультурной коммуникации и перевода текстов. Семантическое богатство омонимов способствует языковому творчеству и культурному обмену. Однако для избегания недопонимания важно учитывать контекст и культурные оттенки, чтобы обеспечить ясное и точное общение между представителями разных языковых и культурных сообществ.

Список литературы:

1. Аль-Даман, Хатем Салех, 1990. Филология. – Багдад. Издательство Багдадского университета.
2. Аль-Джурджани Абд ал-Кахир. Секреты красноречия (на араб. яз.) / Под ред. АбдухамедХендави. – Бейрут: Дар Аль-киتاب, 2001. – 326 с.
3. Антрушина Г.Д., Афанасьева О.В., Морозова Н.Н. Английская лексикология. – М., 1985. – 223 с.
4. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М., 1955. Фонетика. Морфология. – М., 1958. – 408 с.
5. Блумфилд Л. Язык. – Нью-Йорк: Холт, Райнхарт и Уинстон, 1965.–564с.
7. Крамер П.А. Исследование омографов // Нормы словесных ассоциаций. – Нью-Йорк – Лондон, 1970. – С. 361-382.
8. Коран (на араб. яз.). – Медина: Издательский центр имени Короля Фахда, 2000. – 604 с.
9. Кулиева. Э.Р. Коран / Пер. смыслов и комментарии. – М., 2002. – 676 с.

10. Малаховский Л.В. Теория лексической и лексико-грамматической омонимии. – Л., 1990. – 239 с.
11. Махмуд Ахммед Альмараки. Об арабской риторике (на араб. яз.). – Бейрут: Дар Алаалум, 1991. – 150 с.
12. Мухаммад бин Абд ар-Рахман аль-Казвини, Краткое изложение наук о риторике, Бейрут: Арабская книга, 1904 г., стр.439.
13. Фадель Хасан Абасс. Риторика и искусство (на араб. яз.). – Амман, Иордания: Издательский Дом Фуркан, 2000. – 616 с.

**АДАПТАЦИЯ ТОПОНИМОВ ПРИГРАНИЧНЫХ
РАЙОНОВ РОССИИ И КИТАЯ В УСЛОВИЯХ
МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ:
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Шобокшанова Ольга Сергеевна

*магистрант
ФГБОУ ВО Забайкальский
государственный университет,
РФ, г. Чита*

Биктимирова Юлия Викторовна

*научный руководитель,
канд. филол. наук, доцент,
ФГБОУ ВО Забайкальский
государственный университет,
РФ, г. Чита*

**COMPARATIVE ASPECT OF ADAPTATION
OF TOPONYMS OF BORDER AREAS OF RUSSIA
AND CHINA IN CONDITIONS OF INTERLANGUAGE
CONTACT**

Olga Shobokshanova

*Master's student,
Zabaikalsky State University,
Russia, Chita*

Yulia Biktimirova

*Scientific supervisor,
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Zabaikalsky State University,
Russia, Chita*

Аннотация. Цель статьи – выявить особенности адаптации Забайкальских топонимов в условиях межъязыковых контактов России и Китая. В статье рассматриваются особенности топонимии Забайкалья и топонимии в северных районах Китая (провинция Хэйлуцзян) в условиях межъязыковых контактов, что позволяет выявить механизмы

адаптации географических наименований в типологически разных языках.

Abstract. The purpose of the article is to identify the features of adaptation of Transbaikal toponyms in the conditions of interlingual contacts between Russia and China. The article examines the features of toponymy in Transbaikalia and toponymy in the northern regions of China (Heilongjiang Province) in the context of interlingual contacts. This material allows us to trace how toponyms adapt under transfer conditions.

Ключевые слова: топонимия; забайкальские топонимы; автохтонные народы приграничных регионов; перевод топонимов с китайского языка; способы и методы перевода; специфика адаптации топонимов с китайского языка на русский; топоформант; формант.

Keywords: toponym, Transbaikal toponyms; translation of toponyms from Chinese; methods and methods of translation; specifics of adaptation of toponyms from Chinese into Russian; topoformant; formant.

Топонимия любой страны – ключ к тайнам истории культуры. Топоним является неотъемлемой частью общества, результатом многовекового народного творчества, который несет в себе информацию и смысловую нагрузку, поэтому интерес к изучению топонимов не перестает расти.

Современная парадигма лингвистических научных исследований выдвигает в качестве перспективного антропоцентрическое направление изучения языковых процессов с учетом влияния экстралингвистических факторов на определенные лексические группы. Это в полной мере относится к исследованию и сравнительному изучению адаптации топонимов в двух языках. Пересечение границ двух-трех государств способствует формированию интерференции топонимов в приграничных районах, в связи с этим интересно проследить взаимопроникновение языков, которое отражается в вариантах номинации географических объектов. При трансференции происходит положительный и отрицательный перенос специфических и общих типологических языковых черт в контактирующий язык.

Данная статья представляет собой попытку сопоставительного анализа адаптации топонимов в условиях межъязыковых контактов в приграничных районах России и Китая. Выбор исследования топонимов в сравнительном аспекте обусловлен историческими процессами освоения Забайкалья и Севера Китая и современной поликультурной спецификой этих приграничных регионов двух стран. В топонимах

проявляются лингвокультурологические, исторические особенности китайского и русского народа.

В целом, изучение топонимики трансграничья этих неродственных языков можно охарактеризовать как интенсивно развивающееся. В России данными исследованиями начали заниматься еще с XVIII века. В.Н. Татищев считается основоположником изучения топонимов, в XIX веке изучением топонимов занимались А.Х. Востоков («Задача любителям этимологии»), Н.И. Надеждин («Опыт исторической географии русского мира»), А.И. Соболевский, П.П. Семен-Тяншанский («Географическо-статистический словарь Российской империи»). В XX веке проблемами топонимики занимались А.В. Суперанская, О.С. Чеснокова, Г.Е. Тихонова, В.А. Никонов, О.Н. Трубачев.

Современные диссертационные исследования как русских, так и китайских ученых свидетельствуют об актуальности темы. Разноаспектные анализы топонимов в русском и китайском языках проводились Ши Цзялу («Сопоставительный анализ топонимов Китая и России» (на примере наименования улиц), Лю Лу («Топонимы с цветным компонентом в китайском и русском языках»), Ли Инъин («Русская и китайская ойконимия в сопоставительном освещении»), Вэн Цзятун («История и современное состояние китайских заимствований в русском языке: лексика, фразеология, ономастика»), А.А. Лазаревой («Типологические проблемы номинации: на материале онимической лексики бурятского и китайского языка»), Е.Л. Калининой («Особенности адаптации субстратных топонимов в концептосфере языка-приемника (на материале ойконимов Амурской области)»), Т.С. Доржиевой («Семантика топонимов чайного пути на территории Бурятии: ассоциативный эксперимент»). Сегодня исследованиями топонимов занимаются Ж.В. Шмарова («К вопросу о происхождении китайских географических названий»), И.Ю. Зуенко («Исчезнувший образ: топонимика русского происхождения в провинции Хэйлунцзян и Автономном районе Внутренняя Монголия КНР»).

Особенность топонимии Забайкалья в условиях трансграничья заключается в специфичности топонимической системы, а именно перемещение народов из разных регионов России, обладающие своими языковыми особенностями, где каждая народность вносила в топонимию что-то новое [2]. В качестве источника номинации в Забайкалье могут выступать фольклор, имена собственные, символы народной религии, географические термины, диалектизмы, микропонимы, имена, фамилии, прозвища людей. Исследованием этих лингвистических фактов занимались такие исследователи забайкальской региональной топонимики, как Т.В. Федотова («Русская топонимическая система Во-

сточного Забайкалья»), Р.Г. Жамсаранова («Топонимия Восточного Забайкалья»), Л.В. Шулунова («Ономастика Прибайкалья»), Е.Ч. Дыжитова («Топономастическая лексика Восточного Забайкалья: сравнительно-исторический, сопоставительно-типологический аспекты»).

Китайская топонимическая система характеризуется исторически сложившейся номинацией географических названий, отражает национальное самосознание народа. В Китае описание топонимов появилось еще раньше в 1600 до н.э. – 1046 до н.э., это были записи на костях, до 20 века это были исследования в области географии и связаны с династическими эпохами, лишь в 20 веке начались лингвистические исследования топонимов. В современной китайской лингвистике необходимо выделить следующих ученых – Чу Япина, Ши Вэйлэ, Хуа Линьфу, Ню Жучэнь, Ду Сянмин. Изучением китайской топонимики занимались и представители русской лингвистической школы – Я.А. Миропольский, В.К. Арсеньев, Т.Ф. Скворцов-Токаренин, Х.Х. Исмаилов.

Новизна данной статьи определяется в сравнении структурно-семантического своеобразия топонимов в двух разных по типу и происхождению языках, но близких по ареалу и заключается в комплексном характере исследования процессов лингвистической интерференции иноязычных топонимов в русскоязычную и китайскоязычную среду во взаимосвязи с историческими и культурными процессами, географическими, историческими, повлиявшими на формирование современного топонимического корпуса отдельных приграничных территорий: России (Забайкальский край) – Китайская Народная Республика (Северные районы Китая).

Выявление особенностей адаптации топонимов под языковую систему разных по происхождению и типов языков, частое несовпадение вариантов перевода топонимов и ошибочное использование аналогий при соотношении китайского оригинала делает эту тему актуальной.

Актуальность данной статьи обусловлена широким интересом к проблеме взаимодействия языков в условиях межэтнических контактов в течение длительного времени. Каждый регион России (Забайкальский край) – Китайская Народная Республика (Северные районы Китая) представляет собой особое топопространство, сохраняющее, в какой-то степени даже консервирующее особенности менталитета народа и его культуры.

Топонимия любого региона состоит из языковых стратиграфических пластов, обусловленных различными миграционными и историко-политическими процессами. Анализ топонимов позволит установить принципы формирования и функционирования двух топосистем, выявить этнокультурную специфику географических названий.

Цель статьи – сопоставить особенности адаптации топонимов в условиях межъязыковых контактов в приграничных районах России и Китая, что позволит определить свойственные двум топосистемам типологические характеристики.

Топонимика – это комплексная наука, включающая в себя подсистемы: топонимию, то есть совокупность географических названий региона, топонимов, которые несут в себе информацию о языке, культуре, менталитете, истории, являющийся наиболее устойчивым и самый древним пластом в языках [1]. Топонимы – это единицы языка, продукты человеческого разума, поэтому когнитивный аспект дает возможность исследовать топонимию регионов двух стран. У топонима есть классы, состоящие из топоосновы и топоформанта, которые взаимодействуют друг с другом. Топооснова – это смысловое наполнение топонима, она не может существовать в чистом виде. Топоформант – это служебный элемент, который участвует в образовании географического названия. В их составе можно выделить приставку, корень, суффикс, окончание. В целом, это макросистема, несущая в себе информацию о человеческом сознании и реализованная в окружающей среде, но представленная языковыми различиями.

Топонимика Забайкалья – субстратная, здесь выделяют стратиграфические пласты: палеоазиатский, угро-самодийский, тунгусоязычный, славяноязычный, монголоязычный, тюркоязычный и включает 1000 географических названий, большую часть составляют гидронимы, ойконимы, оронимы. Адаптация топонимов в Забайкальском крае является результатом длительного взаимодействия этносов, населявших Забайкалье [8].

Чтобы охарактеризовать субстратное Забайкалье, нужно выявить основные топоформанты, топоосновы, классификации, способы адаптации. Один из способов – сопоставление субстратных топонимов с заимствованным апеллятивом. В качестве форманта выступает географическое название. Формант *-ул*, топоним *Улутуй*, заимствованный апеллятив – *ул*, *-уль*, значение апеллятива – *вода, река*. Формант *-ел*, топоним *Оленгуй*, заимствованный апеллятив *ель*, перевод – *лесной ручей*. Другие топонимические форманты: *-хол Холой, хоолой – пролив. Тур -Тура -тур – земля* (эвенк). Для Забайкалья характерно номинация одного топонима нескольким географическим объектам: орониму-гидрониму-ойкониму. Например: *Улятуй* (ойконим), *Улятуй* (гидроним), *Улей, Улетка, Улеты, Улястуй*, формант *-ул* (апеллятив из кетского языка «вода»). Топонимика тунгусоязычного происхождения характеризуется наличием суффиксов *-нга, -ндя, -кан, -кэн*.

Также известны этнотопонимы (самоназвание) народа, которые жили на территории Забайкальского края до прихода русских: *даур* (топоним *Даурия*), *шивэр* (топоним *Хара – Шибирь*), *ассаны* (топоним *Асиновка*), *котты* (топоним *Катаево*), *шивэй* (*Шиванда*), *мохэй* (*Мохэй*).

Что касается топоформантов, то на территории Забайкалья существуют словообразовательных типов, среди них гидронимы *-икан*, *-акан*, *-екан* - *Тангакан*, *Бирюкан*. Топоформанты эвенкийского происхождения: *-нга* *Таменга*, *-кта*, *-хта* - *Бугарихта*, *-нда* *Шиванда*, *-чи* *Кусочи*.

Эвенкийские топоформанты охватывают Каларский, Тунгиро-Олекминский, Кыринский, Тунгокоченский, в основном северные районы, но есть в небольшом количестве и в других районах: Читинский, Чернышевский, Чикойский, Улетовский.

У монгольских и бурятских следующие топоформанты:

- *туй*: *Могойтуй*, *Шэбэртуй*, *Тыргетуй*.
- *тай*: *Тэй*: *Шаратай*, *Чиндагатай*.

В основном, это Могойтуй, Агинский, Дульдурга. Все тунгусо-язычные, монголоязычные, бурятские и т.д. топонимы адаптируются по законам русского языка, русской фонетики и русского словообразования. Фонетическая адаптация бурятских топонимов происходит так же, как и апеллятивная лексика, когда заимствованное слово подчиняется нормам русского языка. Словообразование нерусских слов происходит с учетом семантики аффикса и словообразовательным моделям. Это суффиксы *-к-*, *-ушк-*, *-овк-*, *-ишк-* (для небольших поселений), для более крупных используются аффиксы *-ево-*, *-ск-*, *-инск-*, *-ово-* (Нерчинск). Для оронимов (хребты, пади, горы) суффиксы *-инск-*, *-ск-*, *-к-* [3].

Таким образом, топонимия Забайкальского региона является субстратной, одной из важнейших проблем языкознания считается связь исторических условий, лингвистического взаимодействия и общественного развития.

Характерной особенностью китайской цивилизации состоит в адаптации, окультуриванию всех народов, приходящих или проживающих на территории Китая. Народы, пришедшие в Китай, наложили свой отпечаток на историю, географию, культуру, но здесь наблюдаются те же процессы интерференции, что и в России. Китайская цивилизация (ханьцы) зародилась в бассейне реки Хуанхэ, вся история Китая делится на три периода: Доимперский, Имперский Китай, Новый Китай, история характеризуется непрерывностью, но нас интересуют процессы, происходящие на Северо-Востоке Китая, где сложный этнический состав, каждая этническая группа называла своим языком те или иные топонимы. Север Китая изначально населяли маньчжуры, (пред-

ки чжурчжэней 10-15 век, а их предки считаются народ Уцзи, который жил в раннем средневековье) дауры, ороконы, эвенки, монголы, тунгусы, хуэйцзу, ороконы, русские, корейцы.

История заселения территории Восточного Забайкалья и Северо-Восточного Китая характеризуется одним ареалом проживания этносов таких, как дауры, эвенки, монголы, буряты, миграция и ассимиляция которых запустили процесс интерференции на территории двух государств.

Несмотря на то, что китайское языкознание находится в русле современного европейского языкознания, китайская языковая система изолирована от общего мира. Иероглиф в китайском языке является фонетической и морфологической единицей, несущий в себе словообразующий компонент. Для нас характерна звуковая языковая черта, китайцы воспринимают свой язык как зрительный. Классификация топонимов позволяет нам лучше понять природу топонимов. Китайский топоним включает в себя топооснову и топоформант. Классифицировать топонимы в китайском языке можно по различным семантическим группам, например, по историческим событиям, минералам, погодным явлениям, цветам, звукам, образам, символическим номинациям («Пять постоянств» 五常市 wuchangshi), местоположением, выражением состояния, природным ресурсам, ландшафтам, рельефу.

Анализ карты северных районов КНР показывает, что большинство названий имеет монгольское происхождение, но адаптированное под русскую фонетическую систему. Связано это с тем, что монгольский язык с 1949 года использует кириллицу. Во Внутренней Монголии Китая монгольские названия обозначены иероглифами, пишутся через дефис, имеют некитайское происхождение, то есть находятся на территории автономных районов, среди них - монгольские, маньчжурские, эвенкийские, даурские, ороконские, русские. Топонимы китайского происхождения имеют формант 市 shì город, 区 qū район, 镇 zhen поселок, 沟 gōu речка, падь, 山 shān гора.

В монгольских топонимах мы видим формант 旗 qí ци хошун, 陈巴尔虎旗 chénbāěrhǔ qí Чэнбарга-Ци. Монгольские, эвенкийские, даурские топонимы многосложные, состоят от 3 до 6 лексем, что для китайской графической системы не совсем характерно. Китайские топонимы состоят из 2–3 лексем.

Номинация топонимов по озерам, рекам, названию растений, деревьев (береза), гор, должностью (3 топонима), сторонам света, у китайских топонимов присутствует номинация по мифическим животным, например: «огненный дракон» (跑火龙 pǎohuǒlóng), домашним

животным 老母猪沟 laomuzhugou, пространственными направлениями 小东沟 xiaodonggou, насекомыми 蜈蚣沟 wugonggou, номинация по городу Харбин 哈尔滨沟 haerbingou, цвету, то, что отражает языковую картину мира.

Китайский язык не выявляет этимологии с формантом 沟 gou речка, падь, слова с монгольского языка просто транслитерируются.

В слове Маньчжурия, образованное по аналогии со словом Даурия, китайцы используют закон экономии языковых средств, выпущен суф уа – 满洲里 вместо 满洲里呀 manzhouliya .

Монголызычные топонимы при переводе на китайский используют окончания – нуог 扎赉诺尔(ноэр) zhālāinuòěr, беиг 呼伦贝尔市(бэйэр) hūlúnbèiěr, лаг 海拉尔区(лаэр) hǎilǎěrqū, суму 西乌珠尔苏木(суму), нуер 乌奴耳镇(нуэр), моер 莫尔道嘎镇(моэр), деер 得耳布尔镇(дээр), уер 乌尔其汉镇(уэр), хоер 霍尔奇镇(хоэр).

В китайских топонимах присутствует суф 子 zǐ (цзы) 东叉子沟 dōng chāzǐ (дунчацзы).

Язык баргутов (монголызычный народ в Северном Китае) очень близок к монгольскому языку, средняя длина лексем от 4 до 7 лексем: 蒙高金敖包(呼伦贝尔市陈巴尔虎旗) méng gāojīnáo bāo Мэнгаоцзинаобао, 潘扎诺日(内蒙古自治区呼伦贝尔市新巴尔虎左旗) pānzhānuò rì Паньчжанож, 鄂日黑门特格日(内蒙古自治区呼伦贝尔市陈巴尔虎旗) èrì hēimén tègé rì Эжихэймэндэгэжи, 哈日阿特日牙(呼伦贝尔市陈巴尔虎旗) hārì àtè rì yá Хажиятэжия. Этимологии слов нет, так как используется метод транслитерации.

Русская волость Эргунэ, русский вариант названия волости Аргунь, включает топонимы, средняя длина которых от 2-5 лексем, из 70 топонимов 35 имеют 3-х слоговые лексем. Номинация топонимов по сторонам света, имеются количественные характеристики, мифологические, флора и фауна, пространственные, встречаются монгольские названия, но их не так много, например: 蜈蚣沟 wúgōng gōu (падь Угун), 二道沟 èrdào gōu (падь Эрдао), 中心沟 zhōngxīn gōu (падь Чжунсинь), 别拉亚南山 bié lāyà nán (Белая), 下比里亚谷 xià bǐ lǐ yàgǔ (долина Сибилия), 龙头山 lóngtóushān (гора Луньтоу), 玛莫尼哈谷 mǎmòníhāgǔ (долина Мамониха).

Топонимы Большого Хингана уезд Хума, город Тахэ, Мохэ (название города заимствовано с языка даур «Ми хуарг», с монгольского «Мо бира») имеют также читаемый перевод, например: Юньмэн гора «Воздушные облака», 白土沟 báitǔ gōu падь «Белая глина», 赤城山 chíchéng shān гора «Красный город», 羊草沟 yángcǎo gōu падь «Овечья трава», 大龙沟 dàlóng gōu падь «Большой дракон» средняя длина топонимов 2-3 лексемы.

В районе Хэйхэ, который переводится как «Черная река» (прежний топоним 瑗瑗 àihún Айхун) 24 топонима также читаемы, присутствуют форманты «падь, река», «гора», 2, 3 лексемы в топониме, интересные названия топонимов: 双猫山 shuāngmāo shān гора «Двойная кошка», падь «Ледяная», 安永山 ānyǒngshān гора «Спокойствие и вечность», 老母猪沟 lǎomǔ zhū gōu падь «Старая свинья» (свинья в китайской культуре связан с богатством и процветанием).

В эвенкийских топонимах часто встречаются следующие лексемы:

Гэли 央格力雅山 yāng géli yǎshān

Гули 古利牙山 gǔlìyá shān

Гэя 阿力格亚山 ālìgéyà shān

Бала 巴拉嘎提 bālāgā tí

Хабу 哈布特盖 hābù tègài suǒbù rìgé tè

Яла 牙拉达巴乌拉 yáladá bāwūla

Даба 伊和央格日达巴 yī hé yānggē rìdá bā

Хасу 哈苏扎哈达 hāsūzhāhā dá

Хубу 呼布拉格 hū bùlāgé

Длина топонимов 3–6 лексем.

Таким образом, сравнительный анализ двух лингвосомиотических систем отражает национально-специфические характеристики одного ареала проживания народов, говорящих на типологически разных языках. Топонимические названия в Забайкальском крае и в Северо-Восточном Китае провинции Хэйлуцзян показали, что в топонимике двух регионов – преобладают субстратные наименования, что связано с процессами интерференции и освоения земли За Байкалом разными народами, большинство названий имеют монгольские корни, во Внутренней Монголии Китая монгольские названия обозначены иероглифами, и находятся на территории автономных районов, пишутся через дефис, имеют некитайское происхождение, имеют нехарактерную для китайского языка длину лексем и подчинены законам китай-

ского языка, субстратные топонимы в Забайкальском крае подчинены морфологической и фонетической системе русского языка.

Список литературы:

1. Суперанская А.В. Что такое топонимика. - М.: Наука, 1984. - с. 182.
2. Забайкальская русская народно-разговорная речь: учебное пособие. - Чита: Забайкальский гос. ун-т, 2015. - 175 с.
3. Мельхеев М.Н. Географические названия Восточной Сибири: Иркутская и Читинская области. - Иркутск, 1969. - 316 с.
4. Байду Карты <https://map.baidu.com/>
5. Яндекс Карты <https://yandex.ru/maps>
6. Опенстритмэпс Карты <https://www.openstreetmap.org>
7. Миропольский Я.А., Тихонова Г.Е. Словарь географических названий Китая. - Москва: Наука, 1982. - с. 480
8. Жамсаранова Р.Г., Шулунова Л.В. Топонимия Восточного Забайкалья. - Чита, 2003. - 128 с.

**НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
ФИЛОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
И КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

*Сборник статей по материалам LXXVI международной
научно-практической конференции*

№ 11 (76)
Декабрь 2023 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 14.12.23. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 5,25. Тираж 550 экз.

Издательство «МЦНО»
123098, г. Москва, ул. Маршала Василевского, дом 5, корпус 1, к. 74
E-mail: philology@nauchforum.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 1

**НАУЧНЫЙ
ФОРУМ**
nauchforum.ru